

Дарья Донцова

Сбылась мечта бегемота

Детектив на диете **Татьяна Сергеева**

Дарья Донцова
Сбылась мечта бегемота
Серия «Татьяна Сергеева.
Детектив на диете», книга 16

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6658086
Дарья Донцова Сбылась мечта бегемота: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-70167-4

Аннотация

Никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь! Татьяна Сергеева на собственных антресолях обнаружила какие-то странные вещи, в том числе розовое манто словно на бегемота! Может, это намек, и ей пора похудеть? Но заморачиваться диетой некогда! Юрий Мамонтов попросил расследовать гибель его супруги. Ольга якобы выбросилась из окна, однако Юрий заподозрил, что жену убили. Начав поиски знакомых Ольги, Татьяна вышла на коменданта студенческого общежития. И та рассказала ей такое! Оказывается, в институте, где училась Мамонтова, накрыли целую террористическую организацию, и Ольга была ее членом! Тогда дело удалось замять, но теперь оно, похоже, снова выплыло на свет. Иначе почему комендантша внезапно отправилась в мир иной так же, как и Ольга? На этот вопрос Танюша точно найдет ответ, а вот как выяснить, откуда

на ее антресолях взялось розовое манто на бегемота и лапы из пустыни Каракумы?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	27
Глава 4	38
Глава 5	46
Глава 6	54
Глава 7	62
Глава 8	74
Глава 9	84
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Дарья Донцова

Сбылась мечта бегемота

Глава 1

Белки-летяги осенью улетают в Какапулько...

Я отложила тетрадь.

– Нюся! Где находится Какапулько? Впервые слышу о такой стране. Хотя, признаюсь, не являюсь знатоком географии.

– Тетя Таня, Какапулько – это город, – захихикала девочка, – он в Англии.

– Акапулько! – догадалась я. – Ясно.

– Классный доклад? – поинтересовалась Анечка. – На трех страницах, как Инесса Леонидовна велела.

Я откашлялась.

– В твоей работе много неточностей. Начнем с самой главной: белки-летяги не покидают с наступлением холодов родные края. Почему? У них нет крыльев. А город Акапулько находится в Америке. Придется переделать работу.

– Нет, тетя Таня, ты путаешь, – заспорила Аня. – Я скачала текст из Интернета, с сайта «Лучшие сочинения». И если белочка просто прыгает, бегают или ползает, у нее должны быть другие прозвища: прыгалка, побегалка или ползунка.

А раз она летяга, значит, ловко по воздуху шныряет.

Из моей груди вырвался тяжелый вздох. Когда я, Татьяна Сергеева, пыталась преподавать в школе русский язык и литературу, далеко не у всех учеников были дома ноутбуки, и там, где я усердно изображала из себя педагога, отсутствовал компьютерный класс. Но теперь все иначе, Анечка – типичный представитель поколения, у которого вместо правой руки «мышка».

– У меня замечательный доклад, – заспорила Аня, – ты просто придираешься. И Какапулько находится в Англии!

– Ошибаешься, – уперлась я. – Два дня назад я слушала в машине радио – так вот ведущий разыгрывал путевку именно на этот курорт и сто раз повторил: «Вы получите неделю на лучшем побережье Америки и билеты до Штатов».

– У американцев нет моря, – возразила Анечка. – Зато у них в стране много камней, я видела фотки в «Фейсбуке». А вообще... Вот мама мне всегда верит, мою домашку не проверяет... Когда она вернется?

Всхлипнув, Анечка пошла к двери, оставив на кухонном столе несколько листков с напечатанным домашним заданием.

– Ладно, – сказала я ей в спину, – переписывай текст в тетрадь и сдавай. Но только потом, когда получишь кол, все равно придется переделывать.

Аня развернулась.

– А зачем домашку переписывать?

– Ты собираешься наизусть текст учить? Вам велели подготовить устный доклад? – уточнила я.

– Не-а, на бумажке. И Инесса Леонидовна всегда просит, чтобы не от руки было, говорит: «Без глаз останешься, пока ваши каракули разберешь».

Нюся убежала, а я начала спешно запихивать в свою сумку все необходимое.

Почему девочка живет у меня? Сейчас объясню. Ее мама – криминалист Фатима, с ней мы раньше работали в одной бригаде. Теперь-то я возглавляю другую, но приятельские отношения у нас сохранились. Десять дней назад Фатя после работы заглянула в супермаркет, и на автостоянке, едва она отошла от своей машины, ее сбил пьяный байкер. Она позвонила мне из «Скорой помощи» и сообщила об этом. Я тут же помчалась в клинику, а там узнала, что ее спешно положили на операционный стол.

– Селезенку удаляют, – пояснила медсестра на рецепшен, увидев мое служебное удостоверение. – А еще у пациентки перелом таза. Вот ведь урод тот мотоциклист! По-моему, тех, кто за руль садится после выпивки, прав надо навсегда лишать. Знаете, больная очень нервничала из-за дочери, все повторяла: «Нюся одна осталась».

Да, Фатима воспитывает десятилетнюю дочь Аню. Ни мужа, ни родителей у нее нет, а что касается близких друзей... В нашей структуре не приветствуется, если вы имеете армию приятелей, аккаунты в социальных сетях и выбрасываете фо-

то в инстаграм. Да и свободного времени практически нет, у нас ведь ненормированный рабочий день, поэтому все друзья у сотрудников среди коллег. Вне своего офиса Фатима общается лишь со мной и Димой Коробковым¹.

Дочка ее – вполне самостоятельная, она не капризничает, не хнычет, не требует гипертрофированного материнского внимания, не звонит маме бесконечно на службу, не шлет одну за другой эсэмэски. При необходимости Анечка может остаться одна дома на ночь и утром по будильнику встанет, позавтракает, отправится в школу. Девочка умеет включать стиральную машину, разогревать обед, отварить макароны-картошку и вообще в меру своих силенок ведет домашнее хозяйство. Нюся очень любит маму и понимает: именно та зарабатывает для их маленькой семьи деньги на жизнь. Но девочка ходит всего только в четвертый класс, и оставить ее без присмотра надолго нельзя. Поэтому я забрала Аню к себе.

Временно став матерью-одиночкой, я сейчас испытываю самые разнообразные чувства. Своих детей у меня нет, но во времена моего отрочества школьники вели себя иначе. Страшно подумать, что бы сделали со мной мать, бабушка, классная руководительница и пионерская организация, явись я на уроки в джинсах, ярко-розовой футболке со стра-

¹ О том, кто такой Коробков, рассказывается в книгах Дарьи Донцовой «Диета для трех поросят», «Инь-янь и всякая дрянь», «Микроб без комплексов», издательство «Эксмо».

зами, с завитыми мелким бесом волосами, с красным лаком на ногтях и зеленой тушью на ресницах. Отвезли бы в психушку? Расстреляли на Красной площади в назидание другим детям? А вот Ане никто из педагогов не делает замечаний ни за одежду, ни за маникюр. Кроме того, я сама корпела над сочинениями и докладами, а не списывала их из Интернета. Отметки мне ставили в обычный дневник, у моей же «временной дочери» электронный, который я пока никак не могу открыть. И как отнестись к незнакомой учительнице Инессе Леонидовне, которая не желает портить зрение, разбирая почерк ученика? Преподавательнице не пришло в голову, что ей надлежит научить школьников писать аккуратно и красиво? Может, я старею? Превращаюсь в бабушку, которая сидит у подъезда и ругает молодежь? Ну да, на дворе век разбушевавшегося научно-технического прогресса, и, похоже, люди скоро вообще разучатся водить ручкой по бумаге.

В кармане затрезвонил мобильный, я вытащила его и услышала голос Лизы, сотрудницы моей бригады:

– Когда приедешь?

– Уже в пути, – ответила я, торопясь в прихожую. – Что случилось?

– У нас новый шеф, – зашептала Кочергина, – красавчик, глаз не оторвать, намного моложе Ивана Никифоровича. Его Петр Степанович приводил, сказал: «Раз Татьяны еще нет, мы к вам попозже спустимся». Потом спросил, начали ли мы работать по Мамонтову, и мне пришлось ответить, что я

впервые слышу эту фамилию.

– Юрий Мамонтов... – пробормотала я. – Он придет к девяти тридцати и все расскажет. Его именно Петр Степанович к нам направил.

– А как с Денисом общаться? – резко сменила тему Кочергина.

– В обычной манере, – проинструктировала я. – Скоро буду.

– Угу, – бормотнула Лиза и отсоединилась.

Я быстро сунула ноги в туфли и крикнула:

– Нюся, не опоздай на первый урок!

Она вынырнула из коридора.

– Я никогда не задерживаюсь. Между прочим, город Акапулько находится в Мексике, а не в США, как ты уверяла.

– Не может быть, – отрезала я, – по радио утверждали, что в Штатах.

– В поисковике четко указано: Мексика, – не сдала позиций Аня.

– Твой великий бог Интернет ошибается, – возразила я.

Нюся скорчила рожицу и ушла, а я поспешила на парковку. Мысли об Акапулько вылетели из головы, но их место тут же заняли другие. Значит, у нас новый большой босс... После случая с Лорой следовало ожидать официальной отставки Ивана Никифоровича ², который взял длительный отпуск.

² Ситуация, о которой сейчас вспоминает Татьяна, описана в книге Дарьи Донцовой «Толстушка под прикрытием», издательство «Эксмо».

Что ж, мы слишком долго работали без начальника. Нашим временным шефом стал Петр Степанович, и я спустя пару месяцев приуныла – неужели мою бригаду навсегда оставят под его пятой? Вдруг незнакомое мне верховное начальство решило устранить двоевластие, не хочет более держать двух заместителей? Но, выходит, наверху просто подбирали нужного человека.

* * *

Юрий Мамонтов оказался пунктуален. В комнате совещаний он появился точно в назначенный час, оглядел присутствующих и смутился:

– При всех про Лялю рассказывать?

– Мы будем сообща работать над вашей проблемой, – пояснил Роберт.

– Никакая информация за стены офиса не выйдет, – пообещала Лиза.

– Раньше сядем, быстрее выйдем, – заявил Денис и покопился на меня.

– Думаю, пора начинать, – подвела я итог вступительной части. – Но, Юрий Петрович, если вам требуется время для раскочки, можем обсудить погоду. Сегодня на улице противно – по календарю весна пришла, а такое ощущение, что конец ноября.

– Для Москвы март – это зима, – подхватил Троянов, –

на тепло и солнышко следует рассчитывать только к концу мая. Сейчас на улице слякоть, снегодождь сыплет. И жара в столице, как правило, устанавливается в декабре, под Новый год. Мне продолжать?

Посетитель сел на свободный стул и завел рассказ.

Примерно год назад Ольга Сергеевна Мамонтова, жена Юрия, покончила с собой – выпрыгнула с балкона собственной квартиры, расположенной на пятнадцатом этаже. Естественно, у нее не было никаких шансов остаться в живых. Женщина умерла мгновенно, тело отправили на экспертизу, специалисты не нашли ничего криминального. Ольга не употребляла наркотики, не пила, не вела асоциальный образ жизни, даже не курила, работала главным бухгалтером в крупной фирме и была, по словам мужа, совершенно довольна жизнью.

– У супруги не было причин совершать суицид, – твердил Юрий, – ее убили.

Но эксперт категорически отрицал факт насильственной смерти, утверждал, что, судя по всему, женщина сама шагнула вниз.

Предсмертного письма Мамонтова не оставила. Данный факт не смутил никого из полицейских: вопреки расхожему мнению, довольно большое число людей, решивших перебраться на тот свет, не утруждают себя составлением предсмертных записок с объяснениями. Дело сдали в архив и забыли о нем.

Юрий не смог жить в доме, с балкона которого спрыгнула Ляля, снял небольшую квартиру и переехал туда. Вещи покойной он разбирать не стал – просто не мог заставить себя к ним прикоснуться. Но пару месяцев назад Мамонтов познакомился с Ларисой Кугель, у них начался роман, и дама стала внушать ему, что лучше жить в собственных апартаментах, чем платить чужому человеку большие деньги за грязную нору, где нет ни уюта, ни комфорта.

– Хватит ютиться в трущобе, – говорила новая пассия. – Понимаю, прошел всего год со дня смерти твоей жены, ты до сих пор в шоке, но надо решить проблему.

И Юрий отважился войти в свой дом, начал разбирать вещи Ляли. В одной из сумок жены он обнаружил блокнот со странными записями...

Мамонтов замолчал, достал из портфеля записную книжку и протянул мне. Я принялась перелистывать страницы.

«Ваня... не Ваня, Иван Морковин... Иван Гурьевич Морковин... Он зол! Он меня ненавидит! Он хочет меня убить! Он... Он... Он... Ваня... Иван Гурьевич Морковин... Это он? Он это! Точно он! Я не ошибаюсь, это он! Он вернулся! Он пришел за мной! Не могу! Надо уйти! Уйти надо! Прямо сейчас! Страшно... Он пришел!!! Он здесь!!! Страшно!!!»

– Можете не читать до конца, – буркнул Мамонтов. – Текст практически одинаковый везде.

– Вы слышали когда-нибудь от своей жены имя упомянутого мужчины? – спросила я, краем глаза увидев, как Роберт

начал бегать пальцами по клавишам одного из своих ноутбуков.

– Нет, – быстро ответил Юрий.

– Может, просто забыли? – включилась в беседу Кочергина. – Похоже, этот Иван Морковин сильно нервировал Ольгу. Посмотрите, книжка вся исписана, по почерку ясно, что у женщины был стресс. «Падающие» строки – свидетельство угнетенного состояния, даже депрессии. Вы не замечали у супруги плохого настроения? Она жаловалась на подавленность?

Мамонтов нахмурился.

– Мы не очень любили обсуждать всякую ерунду.

– Простите, – не поняла я, – что вы имеете в виду?

Юрий почесал бровь.

– Депрессия – выдумка психологов. Им нужны клиенты, вот они и поют из телевизора про душевные сложности. Моя мать троих детей без мужа подняла, у нее не было времени на хныканье. Мучаешься от того, что тебя муж не понимает? Лучше посмотри на свою квартиру: грязь по углам, обеда нет, грязное белье из бачка лезет. Займись хозяйством, и тоска пройдет. От безделья в голову всякая дрянь лезет. Если тебе утром влом на работу идти, то это не депрессия, а лень. Дом должен быть тихой гаванью. Я очень на службе устаю, у меня под началом двадцать человек, каждый со своим дурацким характером, плюс пара боссов с закидонами. Возвращаюсь вечером домой выжатый, хочу расслабиться.

Что мне надо? Вкусный ужин и улыбка жены. Чего мне не надо? В первую очередь, чтобы супруга встречала меня на пороге словами: «В нашей конторе сегодня столько неприятностей!» Спасибо, слышать о чужих трудностях не желаю, своих навалом. Перед тем как пойти в загс, я Ляле свою позицию объяснил, и она была того же мнения. Мы договорились, что, во-первых, никогда не обсуждаем прошлое. Чего у кого с кем было – не интересно. У нас новые отношения. Во-вторых, домой никакого дерьма извне не тащим, все оставляем за порогом; Ляля не водит постоянно домой подруг, не болтает с ними часами по телефону, а я не тащу каждый день приятелей. То есть живем друг для друга, обмениваемся только радостными новостями. Слава богу, Ольга оказалась не болтлива, не прилипчива, была сдержанным человеком, мы прекрасно ладили. Конечно, принимали гостей, сами ходили к друзьям, посещали театр, кино, музеи. Но все – запланированно, не спонтанно. Загодя обсуждали, кого позovem на день рождения Ляли или на мой, на Пасху, Масленицу. Надо же стол накрыть обильный, чтобы все убедились: у Мамонтовых полный достаток. Я знал, что Оля окончила какой-то техникум, а потом курсы по бухгалтерии.

– Где и кем работала ваша жена, знаете? – поинтересовался Троянов.

– Объединение «Пластмассбытканьон», главный бухгалтер, – сообщил Мамонтов.

– Странное название, – удивилась Елизавета.

Юрий развел руками:

– Да уж какое есть... Платили Ляле хорошо, но ей приходилось ездить в командировки. Правда, ненадолго, больше чем на два дня она не отлучалась. В месяц получалось две-три поездки. Я не протестовал – супруги должны некоторое время проводить врозь. Поймите, у нас не было проблем с деньгами, мы прекрасно ладили и оба не хотели заводить детей. Нам было хорошо вместе, с годами наш брак становился только крепче. Я говорил следователю, что Ляля не могла прыгнуть вниз, у нее для самоубийства никакого повода не было.

– Гончарова Антонина Андреевна, коллега Ольги Сергеевны, сообщала, что у той в последнее время испортилось настроение, – подал голос Троянов. – Она стала угрюмой, допускала ошибки в работе. Антонина видела ее заплаканной, а накануне смерти ваша жена сказала ей: «Жить не хочется!»

Юрий поморщился.

– Дело было в зубах. У Ляли выпал клык, его поставили на штифт, но он сломался, пришлось удалять корень, вживлять имплантат. Протезист попался неумелый, титановый имплантат не прижился. Оля пошла к другому врачу. Она была расстроена, процедуры-то не из приятных, да и денег уходило много. Потом вроде эпопея завершилась, стоматолог поставил постоянную коронку. Дней десять Ляля с ней щеголяла – и, опаньки, заболел нижний зуб. Из-за протезирования в верхней челюсти слегка изменился прикус, врач

не учел этого.

– А вы говорили, что у жены не было неприятностей, – укорила я Мамонтова.

– Кому же в голову придет из-за зубов с жизнью прощаться? – удивился собеседник. – Конечно, мы не радовались до-куке, но и не рыдали из-за нее. Слова «жить не хочется» Ляля произнесла, наверное, в запале, как некоторые при скандале кричат: «Я тебя убью!» Но ведь никто никого на тот свет отправлять не собирается, просто выражение такое...

Глава 2

– Что у тебя по Ивану Гурьевичу Морковину? – спросила я у Роберта, когда Юрий ушел.

– Сейчас расскажу, – пообещал Троянов. – Но сначала небольшое дополнение к биографии Ольги Мамонтовой. Покойная вовсе не главный бухгалтер предприятия и никогда им не была, она служила приемщицей в пункте, где клиенты «Пластмассбытканьона» делают заказы. Судя по ведомостям, женщина хорошо зарабатывала, получала больше, чем сотрудница бухгалтерии. Окончила она не техникум, как говорил Юрий, а институт, имела диплом о высшем образовании и защитила кандидатскую диссертацию. Антонина Гончарова действительно коллега жены Мамонтова, в одном с ней помещении сидела и до сих пор там служит. В офисе работали только эти две дамочки. Ольга наврала мужу, что занимает ответственный пост.

– Интересно... – удивилась Лиза. – Зачем ей было дурить супругу голову?

– Теперь о Морковине, – не обращая внимания на вопрос Кочергиной, продолжил Троянов. – На первый взгляд ничего особенного. Не женат, практикующий психолог, владелец небольшой фирмы, ни в чем предосудительном не замечен, кредиты не брал, купил два года назад иномарку. Коренной москвич, живет с матерью, с ней на двоих имеет одну фирму,

родительница – психотерапевт. Детей нет. Ездил отдыхать с матерью в Египет, Турцию, Италию, Францию. Нормальный мужик, таких тысячи.

– Кочергина и Жданов съезды к Морковину, аккуратно с ним поговорят, – начала я. Но тут же была остановлена Лизой:

– Великолепно обойдусь одна.

Я откашлялась.

– Настал момент для не очень приятного разговора. Вы теперь все знаете, что сделал Денис ³. О его поступке были проинформированы сначала Иван Никифорович, а потом Петр Степанович. Жданова отстранили от работы. Но он к нам неделю назад вернулся. Руководство приняло беспрецедентное решение: учитывая роль Дениса в раскрытии тяжкого преступления и идя навстречу его пожеланиям...

– Таняша, перестань разговаривать аки бюрократ, – перебил меня Глеб Валерьянович, наш чудо-эксперт. – Видно же сразу, как ты мучаешься, подбирая слова из чиновничьего лексикона. Ты с нами попроще!

– Ладно, – согласилась я. – Денис всех обманул, выставил нас дураками, мне из-за него влетело по первое число.

– Простите, – забубнил Жданов, – я не хотел никого подставить, думал: недельку-другую перекантуюсь и уйду. Но мне у вас так понравилось! Работа жутко интересная! И я

³ Ситуация со Ждановым описана в книге Дарьи Донцовой «Толстушка под прикрытием», издательство «Эксмо».

понял: ничем другим заниматься не желаю.

– Тебя вообще не спрашивали! – осадила его Елизавета.

– Короче, зовем парня, как и раньше, Денисом, – мирно продолжила я. – Он теперь стажер, Кочергина его куратор.

Лиза вскочила.

– Никогда! Что я, утка, на которой спаниеля натаскивают? Мне, чтобы попасть в особую бригаду, пришлось долго пахать, а Жданову все на блюдечке за пять минут принесли? Пусть его Глеб Валерьянович или Роберт патронируют!

– Я не просился к тебе, – огрызнулся Денис.

Я постучала ручкой по столу.

– Решение руководства мне тоже не по вкусу, ставки в бригаде ограничены, у нас и так мало сотрудников, а теперь один из них считается учеником и не имеет права самостоятельно работать в поле. Но, повторяю, Петр Степанович...

– Не стоит поминать имя начальника всуе, – неожиданно раздался знакомый бас, и в комнату вошел большой босс в сопровождении высокого молодого мужчины. – Чем вы, Татьяна, недовольны? – поинтересовался Петр Степанович. – Знакомьтесь: Иван Никифорович Тарасов, ваш непосредственный начальник, прошу любить и жаловать.

Я опешила. Новый шеф полный тезка своего ушедшего в отставку коллеги, только фамилии отличаются? Забавно.

– Рад знакомству, – обронил «дубль» уволенного Ивана Никифоровича, – надеюсь, мы сработаемся. Мне о нашем отделе столько рассказывали! Очень хотел познакомиться с

сотрудниками. И вот, сбылась мечта бегемота! Татьяна, зайдите ко мне через полчаса. Или вы сейчас не можете?

– Я собралась поехать к Антонине Андреевне Гончаровой – она, вполне вероятно, владеет важной информацией по делу Ольги Мамонтовой, – отчиталась я.

– Хорошо, – неконфликтно согласился новичок, – приходите когда освободитесь, ничего срочного нет.

– Нам еще надо заглянуть в техотдел, – заторопился Петр Степанович, – и по другим этажам пробежаться. Да, чуть не забыл! Ну как, вам нравится на новом месте?

– Пока не привыкли, – ответил за весь коллектив Глеб Валерьянович. – Работать в одном здании с тобой, в общем-то, удобно – в случае необходимости можно быстро государя императора найти. Но ведь и тебе легко к нам спуститься, то есть мы на виду, а это уже жирный минус.

– В жизни так всегда, – философски заметил Петр Степанович, – один пряник на сорок литров уксуса.

– Ну, зачем же столь пессимистично? – усмехнулся новоиспеченный шеф. – Иногда удастся пряник без уксуса съесть.

Когда боссы ушли, Кочергина забурлила эмоциями:

– Какой красавец!

– Петя растолстел что-то, – заметил Глеб Валерьянович. – А в молодости был орлом, нравился женскому полу.

– Я про Ивана Никифоровича, – уточнила Лиза. – Ну прямо мачо! Скажи, Тань?

– Не рассмотрела новое начальство как следует, – призна-

лась я.

– Глаза голубые, волосы темные, фигура – закачаешься, загорелый, голос брутальный, обручального кольца на пальце нет, костюм дорогой, ботинки из крокодила, рубашка офигенная, часы суперские, одеколон, который все модные журналы рекламируют, – на едином дыхании выпалила Лиза.

– Наблюдательность сто баллов, – заржал Роберт.

Эксперт Борцов неодобрительно крякнул, а Денис попытался подмазаться к Кочергиной:

– У меня тоже загар. И в спортзал я регулярно хожу. А что новый начальник имел в виду, когда сказал: «Сбылась мечта бегемота»?

Глеб Валерьянович усмехнулся.

– Это он так пошутил.

– Жданов, ать-два в гараж! – скомандовала Елизавета. – Начинаем твое обучение. Правило первое: стажер молчит. А звуки издает только в случае, если у него что-то спрашивают. Ясно?

– Угу, – вздохнул Денис. – Понятно, как дважды два, устроит мне куратор жизнь в цветочек.

Лиза схватила его за плечо и вытолкнула в коридор.

– Зря ты объединила их в пару, – укоризненно заметил Роберт.

– Могу Дениса оставить в офисе, – миролюбиво предложила я. – Пусть тебе помогает.

– Спасибо, обойдусь, – живо отказался Троянов.

Глеб Валерьянович рассмеялся.

– Танюша у нас хитрая лисичка. Не будешь возражать, если я съезжу к Фатиме?

– Конечно, нет. Передайте ей, что Нюся в порядке, – попросила я. – Вот только никак не могу ее электронный дневник проверить.

– Почему? – удивился Роберт.

– Ввожу номер Ани, пароль, а выскакивает окно «Данные не верны», – пожаловалась я.

Троянов схватил «мышку».

– Разберемся, говори цифры.

– Там еще буквы, – предупредила я. – Шестьсот тридцать восемь, AFN, семь.

– Тэкс... – нахмурился Роберт.

– Тоже облом? – напряглась я.

Троянов дунул на клавиатуру.

– Сейчас устраню проблему. Кто-то решил, что хитрее его зверя нет? А если вот так? Супер! Изучай, Танюша. Ба, да у нее двойка по природоведению. Вчера получила. Умеешь пользоваться новомодным дневником?

– Раньше никогда с ним дела не имела, – призналась я.

Роберт похлопал ладонью по сиденью стула справа от его кресла.

– Иди сюда, объясню. Ничего сложного, проще только в носу ковырять.

Я не стала отвергать любезное предложение.

– Перед тобой страница, вверху стрелочки, с их помощью листаешь документ, – стал показывать Троянов. – Битте-дритте, вот тебе отметка.

– Как можно получить «неуд» за пестики-тычинки? – возмутилась я. – Ладно бы по математике или немецкому, а тут всего-навсего природоведение. Безобразие!

– Спокойно, нервничать не стоит, – сказал компьютерщик. – Сейчас узнаешь, почему твоя красавица в лузерах. Нажимаем на слово «подробности»... Вау!

– Что там? – любопытствовала я, уставясь в монитор. – Подвинься.

– «Если хотите увидеть комментарий педагога, поставившего отметку, заплатите за консультацию», – ошарашенно прочитал Троянов. – Не понял!

– Может, ты не туда попал? – предположила я.

– Ах вы сени, мои сени... – пропел Роберт. – Не-а! Реально надо рубрики кинуть. Ну-ка, попробую. Так. Щаз, мои сахарные. Эге! Любуйся.

– Чем? – не поняла я.

– Печатай в пустом окошке вопрос, – велел Роберт. – Текст не более сорока знаков, включая пробелы и точки с тире, потом жми на «отправить» и посмотрим, что получится. Захватывающая интрига. До сих пор ни разу не беседовал с электронным дневником, новый опыт всегда обогащает.

Я, сопя от напряжения, принялась печатать. «По какой причине ученица Фатеева получила двойку по природоведе-

нию?»

– Готово? Отослала? – поторопил меня Троянов.

– Не отправляется, – прошипела я.

Троянов уткнулся в ноутбук.

– Сказано же: не более сорока знаков с пробелами.

– Но это очень мало! – возмутилась я.

Роберт нажал на большую кнопку.

– Щаз составлю что требуется. Вот: «Фатеева Анна. 2 при-
родоведение???» Учись! Еще и про запас знаки остались.
Вау! Ответили! Читаю. «Не сшила силу». Это как понять?

Я отпихнула Роба в сторону и озвучила ответ сама:

– «Не сшила силу»...

– Ты думала, если сама вслух произнесешь, смысл появит-
ся? – развеселился Троянов.

– Повтори вопрос, – приказала я.

– Он опять денег требует, – протянул Роб.

– Дурацкий ноутбук желает получать рубли за каждую
фразу? – подпрыгнула я. – Обираловка!

Троянов кинулся защищать любимую игрушку.

– Компьютер ни в чем не виноват, он работает по заложен-
ной программе. Ничего, сейчас он получит свой гонорар...
И? Что мы имеем?

– «Силу не сшила», – прочитала я новый ответ. И заорала:

– Зачем одинаково отвечать?

– Ты же у училки об одном и том же спрашиваешь, – ре-
шил восстановить справедливость компьютерщик.

– А ну пусти меня! – ажитировалась я. – Как платить? Куда карточку запихивать? Сколько школа за один раз снимает?

– Двадцать рублей, – вздохнул Троянов.

– Ничего, вполне могу разориться, – процедила я, отсылая текст: «Немедленно уточните, что за сила?»

«Спросите у дочери. Она знает».

Я стукнула кулаком по столу.

– Учитель над родителями просто издевается!

– Эй, осторожно, – попросил Роберт, – комп ни в чем не виноват. Ну да, не очень приветливая тетка детям природо-ведение преподает.

Мне категорически не понравились слова Троянова.

– Почему ты решил, что с нами общается женщина?

– Точно баба, – с видом знатока заявил Роб.

– Вот сейчас и выясним, кто из нас прав, – пообещала я, набирая новый вопрос: «Вы кто?»

Глава 3

Экран несколько раз мигнул.

«Преподаватель природоведения».

Далее наша беседа пошла в режиме «Вопрос – ответ».

– Как вас зовут?

– Инесса Леонидовна.

– Как понять: не сшила силу?

– Не выполнила домздание.

– Как можно сшить силу?

– Смастерить руками.

Мне захотелось заорать, но какой толк от этого? Собеседник не услышит.

– Уточните, как сшить силу?

– Иголкой.

Я не выдержала, пальцы сами собой напечатали:

– И нитками?

– Или леской, – не поняла моего ехидства педагог.

– Когда вы бываете в школе?

– Каждый день.

– Приду к вам завтра.

– Есть талон?

– Что?

– Разрешение на встречу.

Я потеряла дар речи, затем снова обрела его.

– Где взять бумагу?

– В Интернете.

– А конкретнее?

Роберт ущипнул меня за бок.

– Танюха, остановись, весь аванс просадишь.

Но я уже вошла в раж и, фыркнув: «Ничего, через две недели еще денег пришлют», – прочитала ответ:

– Меню электронного дневника.

– Ну, погоди... – прошипела я, перемещаясь в нужное место.

И нажала на строку «Личное общение с педагогом». Выпал список фамилий и текст:

«Учитель очень занятой человек. Берегите его время. Приходите на встречу, только если у вашего ребенка возникли серьезные проблемы. Один раз полученное замечание или двойка не являются достаточным поводом для отвлечения преподавателя от педагогического и воспитательного процесса. Будьте подготовлены, имейте при себе заранее составленный список вопросов. Претензии и жалобы учительский состав не выслушивает, замечания принимает завуч. График его работы, запись и получение талона на посещение заведующего учебной частью найдете в разделе «Посещение заведующего учебной частью». Иных возможностей осуществить посещение заведующего учебной частью нет. Встретиться с любым предметником каждый родитель может раз в триместр. Приходите в опрятной одежде, без запаха алко-

голя или курева. Матери под действием спиртного, сигарет и наркотиков, а также с детьми младшего школьного возраста в здание общеобразовательного заведения не допускаются. Найдите в списке нужную фамилию, нажмите на нее и совершите дальнейшие предписанные действия. Внимание! Цена учителей разная. Родители отличников имеют двухпроцентную скидку».

– Однако далеко зашел прогресс, – восхитился Троянов. – Слушай, а почему Федорова А. К. беседует с родителями в течение получаса за тысячу рублей, а Никитин В. Г. – за пятьсот?

– Калинина Д. С. вообще только на сотню тянет, а Михайлова З. К. всего полтинник просит, – подхватила я. – Может, ставка зависит от предмета? Никитин – физик-математик, а Михайлова – физрук. Кого физкультура волнует?

– Рядом с фамилией Федоровой написано «заслуш», а у Калининой указано «ускш», Никитин «стуш», а Михайлова «убк», – пробормотал Троянов. – Прямо шифр!

Я ощутила легкое головокружение.

– Ищи Инессу Леонидовну, преподавателя природоведения.

– Здесь указаны фамилии, без всяких объяснений, – протянул Роберт. – Сейчас посмотрю, у кого из учителей инициалы И. Л. Во! Целых три штуки!

– Отбрось мужчин, – посоветовала я.

– Где ты в школе мужика найдешь? – усмехнулся Троя-

нов. – Да и не определить, кто из преподав кто. Имеем троих: Николаенко И. Л., Федорчук И. Л. и Сорока И. Л. И меня просто нервируют эти «заслуш», «ускш», «стуш» и «убк». Я должен понять, что они имеют в виду!

– Последнее точно опечатка, – догадалась я. – Не «убк», а «упк»: учебно-производственный комбинат. Понятно тогда, почему Михайлова дешевая: она трудовик, преподает домоводство или учит шить фартуки.

– Буква «ш» явно означает «школа», – предположил Роберт.

Я достала телефон и отправила Нюсе эсэмэску: «Как фамилия учительницы природоведения?» Ответ не замедлил себя ждать: «Зачем тебе?» – «Надо поговорить с ней из-за твоей двойки». – «Не сшила Силу».

Я уставилась на заглавную букву «С». Так значит, это имя! Училка же во время нашего диалога писала слово как простое существительное. Телефон тихо звякнул, пришло еще одно сообщение: «Федорчук».

– Понял! – обрадовался Роберт. – Тань, ты имеешь в подчинении обычного гения. «Заслуш» – это заслуженный учитель школы, «стуш» – старший учитель. А вот с «ускш» и «убк» пока не ясно.

– Наша училка – Федорчук, – вздохнула я.

– И она «вруш», – объявил Троянов. – Кстати, за нее требуют меньше, чем за воду из лужи, – тридцать рублей.

Мне стало весело.

– Ну и как ты расшифруешь данную аббревиатуру? Врущий учитель школы? Такой должен сам родителям за свидание платить.

– Не смог до конца разобраться, – самокритично согласился компьютерщик, – надо поразмыслить.

– Не стоит заниматься чепухой, – остановила я приятеля. – Запиши меня к Федорчук на завтра. Надеюсь, у нее найдется свободная минутка.

– Не получится. Есть окно в пятницу. Четырнадцать часов двадцать три минуты начало аудиенции, окончание в пятнадцать ноль семь, – спустя пару секунд доложил Роб.

– Такое ощущение, что мне предстоит беседовать с электричкой, – еще больше развеселилась я.

На окне загудел принтер. Троянов вытащил из него листок и отдал мне.

– Держи талон. Знаешь, мне самому захотелось в это учебное заведение заглянуть. Порядки там интересные, почитай, что на разрешении написано.

Я сосредоточилась на листке.

«Посещение вруш Федорчук И. Л. Действительно полчаса. Приходите точно к указанному времени. Опоздавшие или явившиеся раньше пущены не будут. При себе иметь сменную обувь. Уличные ботинки и верхние вещи гардероб от посетителей не принимает. Проход по частной гимназии Анатолия Серебрякова в пальто, куртках, плащах не разрешается. Посещение туалета учащихся, а также санузла учи-

телей строго запрещено. Разрешение дает право передвижения исключительно по синему коридору второго этажа. По первому этажу ходить нельзя».

Я опешила.

– Администрация школы считает родителей орлами, способными влететь в класс через окно?

– Скорее уж настырными дятлами, которые мешают педагогам обучать детей, – хмыкнул Роберт. – Мой тебе совет: помоги Нюсе сшить эту Силу и забудь об этом. Когда я учился во втором классе, нам велели к годовщине Октябрьской революции сделать поделку – времена были советские, патриотическое воспитание начиналось с пеленок. Поделки потом выставляли на районный конкурс. Я ничего мастерить не умел, лобзиком не выпиливал, выжигательного аппарата боялся, рисовал жутко, и моя самоотверженная мама решила прийти мне на помощь. Она сложила из спичек Мавзолей.

– С ума сойти! – воскликнула я.

Троянов улыбнулся.

– Да уж, по трудоемкости это прямо китайская работа. Мать спичечки друг к другу приклеила, покрасила... Целый месяц ковырялась! Я был уверен, что получу первое место и приз. Фигушки! Жюри пришло в негодование: это что же такое, главным достижением революции школьник считает смерть вождя? Символом освобождения рабочих и крестьян от гнета царизма для него является Мавзолей? Немедленно снять с Троянова октябрятскую звездочку! И провести цере-

монию разжалования из внучат Ленина в простого школьника прилюдно, под бой пионерского барабана. Вот Алла Герасимова вылепила из пластилина электролампочку размером с табуретку. Она молодец, знает, что дедушка Ильич принес в дома народа свет.

– Идиотство, – вздохнула я.

– Взрослому человеку это очевидно, а ребенку... – Роберт усмехнулся. – Я шел из школы без звездочки и думал о самоубийстве. Представляешь, утром бежал на занятия веселым, счастливым, а возвращался с твердым намерением отравиться.

Затрезвонил телефон Троянова.

– О! Привет, Макс! – обрадовался он, ответив на вызов. – Приехал мой новый комп? Уже лечу к тебе.

Я вышла из кабинета и поспешила на парковку. Роберт прав. Нет смысла ругать Аню, она ничего плохого не совершила, скорее всего, девочка не умеет шить. И для производства таинственного Силу или Силы нужна ткань, ее необходимо купить, у Нюси нет денег, а у меня попросить она постеснялась. Ничего, вот поговорю с Гончаровой, а потом позвоню Нюсе. У нее как раз закончатся уроки, и я спрошу, что там за Сила такая загадочная.

* * *

По документам Антонине Андреевне было далеко за два-

дцать, а выглядела она совсем юной девушкой.

Увидев прехорошенькую блондиночку с точеной фигуркой, я подавила приступ зависти и уже в который раз дала себе честное слово изменить режим питания. Совсем не здорово целый день ничего не есть, а вечером, вернувшись домой и окинув голодным взором пустой холодильник, кидаться заказывать пиццу, крича в трубку:

– Мне самую большую, на толстой лепешке и с тройной начинкой!

И уж совсем плохо лопать «пепперони» лежа в кровати и запивая все это лимонадом. Я выгляжу старше своего возраста из-за лишнего веса. Все! Завтра с утра ем геркулесовую кашу, а на работу беру контейнер с овощным салатом.

– Зачем я вам понадобилась? – колокольчиком прозвенела Антонина.

Я отбросила не относящиеся к работе мысли и задала первый вопрос:

– Вы дружили с Ольгой Мамонтовой?

– С Лялей? Нет, – поспешно ответила Гончарова. – А чего? Она самоубилась. Давно. Год уже прошел. Или даже больше. Ничегошеньки о ней не знаю. Вот!

– Сразу после смерти Ольги Сергеевны вы говорили другое: вроде она помышляла о самоубийстве, – напомнила я.

– Вы путаете, – защebetала Антонина, кокетливым жестом поправляя волосы. – Мы с ней вобще не пересекались. Вот. Работали далеко друг от друга. Вот.

– Комната бухгалтерии настолько велика? – удивилась я. – В ней пара тысяч квадратных метров? До сих пор я видела не очень просторные помещения, да еще с тесно натюканными столами, за которыми сидят сотрудницы. На подоконниках у них цветы, постоянно играет радио, есть возможность поболтать, посплетничать, попить чайку.

Антонина дернула плечом.

– Ну... ваще... вот...

Я улыбнулась девушке.

– Антонина Андреевна...

– Лучше просто Тоня, – попросила она.

– Хорошо. Тонечка, вы не имеете дел с цифрами, в трудовой книжке у вас указана должность «приемщица».

– Нет, я экономист, – соврала дурочка.

Я встала.

– Спасибо за беседу.

– Это все? – удивилась Тоня. – Тогда чего вы прикатили ко мне домой? Зачем попросили вас подождать? У меня выходной, я хотела по магазинам прошвырнуться, а не с посторонними болтать. Думала, у полиции серьезное дело, а оказалось – ерунда.

Я изобразила смущение.

– Извините за беспокойство, я только сейчас поняла: мне нужны не вы, а ваш отец. В протоколе напутали, оформили его как женщину, это он, наверное, хорошо знал Ольгу. Приеду к нему вечером.

Большей глупости, чем выданная мною сейчас, и не придумаешь, но Антонина откровенно испугалась:

– Папа тут ни при чем! Он никогда у меня на работе не появляется, Лялю в глаза не видел.

Я вновь села на стул и открыла планшетник.

– Вот протокол беседы с Гончаровой А. А., проживающей вместе со своим отцом Гончаровым А. А. на Рябиновой улице. Девушка назвала себя лучшей подругой самоубийцы. Если это не вы, значит, тогда ваш отец, просто в документы ошибочно записали не «Гончаров», а «Гончарова».

Сказав последнюю фразу, я тут же поняла, что произносить ее не стоило. Наверяд ли даже столь несообразительная девица, как Антонина, поверит в такую чепуху, надо было придумать нечто более убедительное.

– Ну... ну... это другая Гончарова, не я... – пробормотала красавица.

Я потеряла ладони.

– Отлично, сейчас направлюсь в ваш отдел кадров, там мне подскажут, где искать ту женщину.

– Ну... э... вот... – выдавила из себя Тоня.

Я поднялась.

– А чего вы про нее вспомнили? – с отчаянием воскликнула девушка. – Лялю давно похоронили!

– Открылись новые обстоятельства: найдены записи, в которых Ольга Сергеевна упоминает одного человека, – честно ответила я. – Похоже, он сильно нервировал ее.

Антонина вскочила.

– Вот гадина! Небось вы про Ваню говорите? Он вам ни при чем! Наоборот все было, это Ольга доводила Морковина.

– Значит, вы все-таки хорошо знали коллегу, – резюмировала я. – Побеседуем у вас дома или поедem в наш офис для официального разговора?

Девушка всхлипнула и прошептала:

– Лучше тут посекретничать. Только дайте честное слово, что ничего папе не расскажете!

– Ваш отец будет последним человеком, который услышит от меня что-либо о вас, – пообещала я.

Глава 4

Объединение «Пластмассбытканьон» – это завод с сетью мелких приемных пунктов, в которые приходят люди, чтобы сделать заказ. Фантазия клиента ничем не ограничивается. Хотите розовые в зеленую клеточку садовые скамейки? Нет проблем, вам их выполнят из пластика, честно предупредив, что они не предназначены для морозов. Желаете заказать триста стаканов для корпоратива с логотипом родной фирмы? Решили подарить ребенку трехметровый домик Барби? Любой каприз будет выполнен за ваши деньги.

Приемщицы получают крохотную зарплату, но им дают процент от заключенных сделок. Тоня и Ляля работали в одном пункте, прекрасно ладили и придумали, как лучше обрабатывать клиентов. Если в контору входили тетка или мужчина лет пятидесяти и рулили к Тоне, та сухо говорила:

– Занята, обратитесь к свободному сотруднику.

В большинстве случаев обескураженные не очень приветливым приемом заказчики усаживались напротив Ляли и недовольно говорили:

– Ваша коллега не очень-то хорошо воспитана.

– И не говорите, – шепотом отвечала Оля, – сама от ее хамства страдаю.

У людей сразу возникало доверие к Мамонтовой, и Олечка ловко разводила их, говорила, например:

– Хотите прозрачную посуду? Возьмите лучше светло-розовую, она наряднее.

Цвет набавляет цену, но Ляля об этом сообщала лишь тогда, когда следовало подписывать договор, и почти никто не менял свой заказ.

Если же в приемный пункт заявлялся молодой мужчина, то он отдавался в руки Тонечке, а уж та, отчаянно кокетничая, старалась вытрясти из него все, что можно. И она же быстро находила общий язык с юными девушками. Получив зарплату, приемщицы складывали суммы, а потом честно делили пополам, в результате заработок у Гончаровой и Мамонтовой оказывался выше и стабильнее, чем у других.

Первое время Тоня полагала, что у Оли полный порядок в семье – не особенно привлекательной внешне коллеге повезло найти хорошего супруга, который искал спутницу жизни по принципу: главное не смазливое личико, а домовитость и порядочность. Но потом Тоне стало понятно, что все не так просто. Один раз Оля попросила:

– Поработай завтра денек одна, весь заработок за смену будет твой. У меня тетя заболела.

– Нет проблем, – согласилась Гончарова.

Через две недели у Ляли занедужил дядя, затем племянник, одинокая подруга, муж, свекровь... В конце концов Антонина не выдержала и спросила:

– Почему ты часто отлучаешься? Я не в претензии, получаю больше денег. Но это как-то странно. У тебя все в по-

рядке?

Сначала Ольга сделала вид, что не услышала вопроса, но после обеда разоткровенничалась с Тоней:

– Я прогуливаю работу из-за мужиков, у меня есть любовники. Мой муж Юрий непростой человек, очень зависимый от мнения окружающих. Например, он говорит знакомым, что я училась в техникуме, а служу главбухом на крупном оборонном предприятии, название которого вслух проносить нельзя. Стесняется, что я приемщица без высшего и даже среднего специального образования. Дома мы питаемся обычно, но если приходят гости, то муж велит покупать деликатесы, которые нам вообще-то не по карману. Шубу Юра мне приобрел, чтобы соседи наш материальный достаток видели, машину дорогую взял в кредит, а еще рассказывает всем про то, что загородный дом строим. На самом деле у нас участок в деревне, который достался Мамонтову от покойной бабушки, на нем изба-пятистенка и сарай.

– Мужики любят прихвастнуть, – вздохнула Тоня. – Мой папа тоже не дурак приврать. Говорит всем, будто триста тысяч в месяц получает, а ему такие деньги даже не снились. И он вбил себе в голову, что мне надо учиться в институте, велел поступать в вуз. Я экзамены завалила, но папашке наплела, что на занятия хожу, студенческий ему показала.

– Где же ты его взяла? – удивилась Ляля.

– В Интернете купила, – хихикнула Антонина. – Там любой сделают, только заплати. Мне учиться поперек горла,

еле-еле школу окончила. Замуж хочу! Вот рожу ребенка – и осяду дома. Обожаю готовить, шить, вязать.

– Лучше не лгать близкому человеку, – нравоучительно заметила Ольга.

– Себе это скажи, – фыркнула Тоня. – Кто от мужа налево бегают?

– У Юры проблемы с сексом, – призналась старшая коллега. – Ему раз в полгода хочется, а запала хватает на пять минут. Потому и приходится мне на сторону ходить. Говорю мужу, что отправляюсь в командировку: нужно, мол, вручить ВИП-клиентам готовый заказ, а сама сваливаю на сутки-двое.

– И он верит? – усомнилась Тоня.

Ляля скромно опустила глаза.

– Я ему объяснила: «Милый, за поездки приплачивают, а у нас два кредита. Нельзя отказываться. Ведь тому, кто заказ клиенту на дом привозит, всегда чаевые дают или подарки. Когда делали столы для «Мехового рая», мне жилетка из кролика досталась. А представитель сети магазинов «Золото мечты» вручила мне кулон на цепочке». Вообще-то мне мужики презенты преподносят, так что я двух зайцев разом убила – вопросов, откуда у меня новые вещи, муж не задает.

– Если не любишь человека, не надо с ним жить, – вспыхнула Тоня, – лучше развестись.

Мамонтова усмехнулась.

– Была у меня в юности любовь огромная, всепоглощаю-

щая. Несколько лет мы с тем человеком вместе прожили. И вот что я тебе скажу, Тоня: от такого чувства больше горя, чем радости. За Юру я вышла по расчету – хотелось тихой гавани, покоя. То есть побывала я на вулкане любви, обгорела, еле живой из жерла выползла и поняла: нет, все, больше мне такого не надо! Нужна жизнь пусть без страсти, зато и без нервов, ревности, выяснения отношений. Мамонтов в этом смысле самый подходящий мужик – спокойный, воспитанный, с ним всегда можно договориться, в душу не лезет, свои проблемы решает сам, зарабатывает прилично, не жадный. У нас с ним уговор: дома беседуем только о приятном, про работу ни звука, про какие-то душевные напряжения тоже. Я ему сообщаю: «Юра, в понедельник еду в Калугу, везу туда стаканы». Он в ответ: «Хорошо, удачи тебе». По возвращении я показываю ему подарок от клиента. И все. А иногда жду, пока он скажет: «Красивое платье. Сегодня купила?» Вот тогда и сообщаю про презентик.

– Это не семья, – вздохнула Тоня, – вы живете как соседи. А надо сообща, плечом к плечу, вместе быть в горе и радости.

– Ладно, ладно, вот выйдешь замуж – послушаю, что лет через десять запоешь, – ухмыльнулась Ольга...

Антонина навалилась на стол, придвинув свое лицо к моему.

– Знаете, я Лялю не осуждала, прикрывала ее. Каждый живет как ему нравится. А потом к нам пришел Ваня, и на-

чались терки. Но я не виновата! Ольга, блин, такой кошмар устроила!

Тоня взъерошила старательно уложенные локоны.

– Ванечка вошел, и я сразу на него запала. Такой красавец! Офигеть! Одет модно, сразу видно, что он при деньгах, пахло от него суперским одеколоном, волосы светло-каштановые, глаза офигенные, часы дорогие. Ну, просто всем хорош!

Я слушала Гончарову с невозмутимым видом, а в душе посмеивалась. Лиза Кочергина примерно в таких же выражениях описывала сегодня нашего нового начальника Ивана Никифоровича. А Тоня тараторила без устали...

Морковин с порога покори́л сердце хорошенькой блондинки. Она одернула кофточку, расправила плечи, выпятила бюст и – внезапно услышала вкрадчивый, мурлыкающий голос Ляли:

– Вы хотите сделать заказ?

– Да, – согласился мачо и сел к столу Ольги Сергеевны.

Тоня чуть не задохнулась от негодования. Это как понимать? Они же договорились о разделении заказчиков! Молодые – к ней, постарше – к Мамонтовой. Ольга тем временем начала заполнять анкету клиента. Вписала паспортные данные и принялась задавать вопросы, которых никогда в анкете не было:

– Вы женаты? Каков состав семьи?

– Штампа в паспорте не имею, детьми пока не обзавелся.

А какое отношение эта информация имеет к заказу пласти-

ковых чемоданчиков для упаковки подарков сотрудникам на юбилей фирмы? – удивился Иван.

– Для многодетных у нас скидка, – выкрутилась Ольга Сергеевна. А дальше спросила совсем уж глупость: – У вас есть старший брат-близнец?

Иван опешил:

– Старший брат-близнец? Я всегда считал, что двойняшки рождаются в один день. Нет, я единственный сын у родителей. А что, за близняшку тоже цену скидываете?

Мамонтова вздрогнула и глупо захихикала:

– Нет. Просто... Вы очень похожи на известного актера, который в сериалах играет. Ну один в один. Я подумала: вдруг артист ваш родственник?

Тоня вскипела от возмущения, но удержалась от замечания. В присутствии постороннего человека затевать разборку не стоило. Зато едва Морковин ушел, она накинулась на коллегу с упреками. А та протянула:

– Какой мужик...

– Даже не мечтай! – разозлилась Тонечка. – Ты старая!

– Опытная женщина интереснее свежеспиленного бревна, – парировала Гончарова.

В тот день они сильно повздорили. Ольга неожиданно проявила агрессию. Но на следующее утро мирно сказала:

– Не стоит из-за парня конфликтовать, их сюда еще много придет.

– Ладно, – согласилась Тоня, – давай жить мирно.

Почему Гончарова охотно и быстро простила Мамонтову? Вчера, когда она шла со службы домой, ее остановил тот клиент, Иван Морковин, и пригласил в кафе. Во время ужина он признался, что, войдя в пункт приема заказов, сразу заинтересовался именно ею, но сел к Ольге.

– Почему? – удивилась Антонина.

– Она меня позвала, – смутился Морковин, – я постеснялся к тебе подойти.

Три месяца Тонечка и Ваня проводили вместе каждую свободную минуту. Гончарова никому не рассказывала о романе, скрывала завязавшиеся отношения и от Ольги, и от отца, который непременно потребовал бы привести Морковина домой и устроил бы ему форменный допрос. Но потом влюбленные решили полететь на пять дней в Питер, и Тоня придумала хитрый план. Отцу она соврала, что по направлению из института едет в город на Неве на практику, а Ляле заявила:

– Насморк начинается, кашель, заболела я. Справишься одна?

– Конечно, – заверила Мамонтова, – лечись спокойно.

Глава 5

Заботливый отец привез дочь в аэропорт. Антонина увидела в толпе пассажиров Ивана, но не подошла, подождала, пока папа уедет, и лишь тогда бросилась к нему. Не успели влюбленные обняться, как раздался голос:

– Решил обмануть меня?

Морковин вздрогнул, отскочил от Тони. Та сначала не поняла, что происходит, а потом увидела Ольгу, которая с перекошенным от злости лицом стояла неподалеку от стойки регистрации. Девушка даже испугалась – очень уж нехорошо выглядела женщина. Она была бледной и с черными синяками под глазами, тряслась крупной дрожью и почему-то периодически икала.

– Любовьницу завел? – крикнула Мамонтова. – Забыл о наших отношениях? О ночах, проведенных вместе? О вечерах, когда мы целовались у метро? О наших планах?

Тонечка оцепенела. Это как понимать? Морковин спал с Лялей?

А та перешла почти на шепот:

– Забыл, как мы с тобой вместе готовили ужины? Ты жарил сосиски, я чистила картошку... Потом мы, голые, ложились на узкую продавленную кровать в твоей комнате, включали твоих любимых «Битлз», ту песню, которая, как ты говорил, про нас...

Антонина отвесила милому другу оплеуху.

– Вы проходите на посадку или полицию вызвать? – спросила сотрудница аэропорта за стойкой.

Горчарова всхлипнула, бросила чемодан и убежала куда глаза глядят. Через час ее, тихо плакавшую на самом дальнем диване необъятного терминала, отыскал Морковин. Сначала Тоня не хотела даже смотреть на неверного возлюбленного, но в конце концов оттаяла и узнала, что Ольга преследует Ивана, навязывается ему, постоянно звонит, подарки под дверью квартиры оставляет, подкарауливает его возле дома.

– Почему ты ее не послал? – взвилась Антонина.

– Она не понимает, – забормотал Ваня. – Соседи с Ольгой сталкивались, сначала не знали, что и думать, а потом, когда я им рассказал, как она меня достает, велели консьержу не впускать ее в подъезд. А сегодня она вообще с ума сошла. Наговорила чуши! Милая, я живу с мамой, собираюсь строить дом, но пока на него не заработал. Мама очень хорошая женщина, но в квартиру я никого привести не могу.

Два часа Морковин уговаривал Тоню, и та все-таки согласилась отправиться в путешествие. А когда вернулась и вышла на работу, узнала, что Ольга Мамонтова погибла, выбросилась из окна.

– И вы никому не рассказали о скандале в аэропорту? – уточнила я, когда она умолкла.

– Не-а, – жалобно призналась Гончарова. – Испугалась за

Ваню, не хотела, чтобы его допрашивали. Побоялась: вдруг ко мне домой полицейский приедет? Папа-то ничего про Ивана не знает. Поэтому я придумала, что Мамонтова грустила, на жизнь жаловалась. Следовательно попался добрый, я его даже попросила не говорить моему отцу, что я не учусь в вузе. И он ответил: «Не мое дело, как ты папашу своего обманываешь, сама с ним разбирайся».

Я молча закрыла ноутбук. Да уж, с сотрудником полиции Тоне повезло – формально допросил ее и быстренько написал в отчете про суицид. Правда, и экспертиза ничего криминального не нашла.

– Ваня очень добрый, застенчивый, – зачастила Антонина. – Он стеснялся Ольгу послать куда следовало, терпел ее приставания. Морковин не может даже комара прихлопнуть, не способен жесткие решения принимать. Недавно нас в кафе обсчитали, так Ваня заметил и ничего не сказал. Только на следующий день мне признался, что отдал большую сумму, мы ведь не заказывали дорогое вино, пили простое, по бокальчику. Я давай его ругать: «Почему ты молча проглотил хамство?» А он: «Скандала не хотелось. Фиг с ней, с лишней тысячей, еще заработаю. Пришлось бы управляющего вызывать, ругаться, билеты в кино пропали бы». Иногда Ванина бесконфликтность меня прямо бесит. Но он такой – дадите ему по башке кулаком, а он испугается: «Не ушибли руку?» Вот мама у него другая. Вообще-то он меня с ней не знакомит, говорит, что Лидия Ивановна плохо себя чувству-

ет. Но, наверное, она просто не хочет сына ни с кем делить. Бывают такие мамы, я слышала. Один раз мы с Ваняшей у него на дачке сидели, вдруг стук в окно. Он так побледнел! Велел: «Иди на второй этаж и сиди тихо. Если мамуля приехала, случится Апокалипсис». Оказалось, это какой-то посторонний мужик был, заплутал, не знал, как на шоссе выбраться. Пока Лидия Ивановна жива, Ваня мне предложение не сделает. Его мать незадолго до нашего с ним знакомства инфаркт перенесла, так Ваня теперь над ней трясется.

Антонина погрузилась.

– Значит, Ольга устроила скандал у стойки регистрации... И все, более вы с ней не виделись? – уточнила я.

– Ага, – кисло ответила Тоня.

Я распрощалась с ней, села в машину, соединилась с Робертом, пересказала свою беседу с Гончаровой и задала вопрос:

– Почему Ольга скрывала от мужа, что у нее высшее образование? По какой причине, имея диплом экономиста, работала приемщицей заказов? Что ты думаешь, а?

– По-разному у людей жизнь складывается, – решил философствовать компьютерщик. – Один на студенческой скамье не сидел, а стал известным актером или художником, другой пять лет лекции слушал и бомжует.

– Вспомни о ее муже, – не сдалась я. – Для Юрия большое значение имеет впечатление, которое он производит на окружающих. Он даже нам соврал про жену-главбуха. Ему не

пришло в голову, что каждое его слово непременно несколько раз проверят. Но речь сейчас не о Мамонтове. Уж наверняка Ляля знала мужа как облупленного, а тот всем приятелям жену как успешного бухгалтера представлял. Почему Ольга не сказала: «Дорогой, я намного круче простой тетки, которая подсчитывает баланс, имею кандидатскую степень». Отчего помалкивала?

– Откуда ты знаешь, что Мамонтова не сказала благоверному правду? – заспорил Роберт.

– Знай Юрий о научных достижениях супруги, он бы не преминул нам о них сообщить, – возразила я. – И почему Оля сидела на приеме заказов? Могла ведь найти престижную, высокооплачиваемую работу.

Роберт засопел, но ничего не ответил. А я неслась дальше.

– Как семейные люди хранят документы?

– Вопрос не по адресу, – развеселился Троянов. – Я не женат, не знаю.

Но мне совсем не хотелось шутить.

– Сколько раз мы с тобой обыскивали квартиры и видели коробку из-под обуви или печенья, ящик письменного стола, полку в гардеробе, куда люди складывают школьные аттестаты, дипломы вузов, медстраховки, пенсионные удостоверения... Все лежит в общей куче: свидетельство жены об окончании парикмахерского училища соседствует с военным билетом мужа и орденой книжкой бабушки, рядом свидетельство о крещении малыша. Мне ни разу не встреча-

лась семья, где муж держит всякие удостоверения в своем кабинете, в сейфе, а жена – в спальне, в тумбочке. Вот документы в разных папочках попадались, но они все трогательно лежали друг на друге: в синей – ее бумаги, в красной – его, в желтой – детские.

– И что? – не понял Роберт.

– Юрий понятия не имел об образовании Ляли, – терпеливо повторила я. – Значит, никогда не держал в руках ее дипломы, скорее всего, их дома не было. Почему? Сколько лет они прожили вместе?

– Десять, – тут же ответил Троянов. – Мамонтов – ее первый муж, Ольга сменила фамилию, до брака была Казаковой.

– А кем она работала до встречи с Юрием?

Роберт принялся зачитывать данные:

– Сначала была студенткой, потом защитила диссертацию в институте, который основали несколько богатых людей, главный партнер – Николай Федорович Холодов. Похоже, вуз создали для деток обеспеченных родителей, для мажоров, которых нельзя было даже за деньги пристроить в престижные учебные заведения. Обучали их математике, информатике, психологии, политологии, экономике, ну и, конечно, рекламному делу, куда ж без него. Кроме наследников солидных состояний, туда принимали и простой народ, лишь бы деньги на оплату учебы поступили. Также там была благотворительная программа для золотых медалистов из бедных семей. Казакова успешно прошла Ученый совет,

причем до окончания срока аспирантуры – очень прилежная была студентка. Работать она пошла не сразу, а через полгода после получения научного звания. В химчистку.

Я решила, что ослышалась.

– Куда?

– Туда, где чистят одежду, – уточнил Троянов. – Затем в магазин продавщицей. Потом сменила пять разных мест вроде уже названных, наконец устроилась приемщицей в «Пластмассбытканьон». Вышла замуж за Мамонтова, прописана у супруга, до свадьбы была зарегистрирована в двухкомнатной коммунальной квартире на улице Благова. Ее сосед Павел Аркадьевич Бубнов до сих пор живет там. А-а-а-а! Ну, я дурак! Теперь понятно!

– Что? – спросила я.

Роберт громко чем-то зашуршал.

– Перестань есть конфеты! – приказала я.

– Это шоколадка, – заспорил Троянов. – Дом, где жили Бубнов и Ольга Казакова, ранее считался студенческим и аспирантским общежитием института, в котором оба учились. Вуз давно накрылся медным тазом, более не существует. По идее, Павлу полагалось выписаться из общаги, но он числится там до сих пор. Чудные дела творятся иногда в большом городе. Кстати, Бубнов может хорошо знать Ольгу.

Я положила руки на руль.

– Юрий утверждал, что жена замкнутый человек, у нее не было приятелей.

– Похоже, Мамонтов совсем супругу не знал, – хмыкнул Роберт. – Принимал на веру ее рассказы про частые командировки и подарки от благодарных заказчиков. Хорошо бы поговорить с любовниками Ольги.

– Роскошная идея, – согласилась я, – жаль, практически невыполнимая. Никогда нам их имена-фамилии не узнать. Если только не найдем очень близкого Мамонтовой человека. Пожалуй, я поеду сейчас в бывшее общежитие, а ты внимательно изучи биографию Ольги Сергеевны. Вероятно, найдешь в ней еще какие-то несостыковки. И еще разыщи кого-нибудь, кто знал Мамонтову-Казакovu в детстве, юности: одноклассников, студентов с курса, коллег по прежней работе.

– Не волнуйся, не бывает, чтобы никого не обнаружилось, – сказал Роб. – Не на необитаемом же острове Ольга жила. Значит, работаем по делу, несмотря на утверждение Антонины про психически нестабильное состояние Ольги?

– Да, – ответила я. – Возникли вопросы, на которые надо найти ответы.

Глава 6

Не успела я вырुлить на проспект, как мне позвонила Нюся.

– Тетя Таня, ты любишь розовый цвет?

– Не особенно. А почему ты спрашиваешь? – удивилась я.

– Собралась шить Силу, – зачастила Анечка. – Нужна ткань, но не знаю, какую выбрать.

– Объясни наконец, кто такой этот Сил и почему его надо мастерить, – попросила я.

– Его имя Силу, оно не изменяется по падежам, – поправила Аня и заговорила еще быстрее.

Через пару минут я разобралась в ситуации. Силу – главный герой сказок страны Мгуини. Вы слышали о таком государстве? Лично я – нет. А вот учительница природоведения часто рассказывает о ней детям. Силу не животное, не человек, а добрый дух. Являться людям Силу может в любом обличье, и там, где он материализуется, воцаряются порядок, покой и справедливость. Неделю назад Инесса Леонидовна обратилась к своим ученикам с пламенной речью:

– Знаете, сколько на свете вымирающих животных? Некоторые виды уже вымерли и более никогда не появятся. На острове Пити в Индийском океане осталось всего четыре голубоглазые козы. Если мы их не спасем, этот вид исчезнет с лица земли.

Ребята разволновались, но Федорчук их успокоила:

– Мы можем помочь козочкам. Надо сшить игрушки и выставить их на аукцион. Вырученные деньги отправим питийцам, те построят зоопарк, и голубоглазки начнут плодиться, народят козляток.

Когда Нюся добралась до этой части истории, я не выдержала:

– Сколько детей в твоём классе?

– Пятнадцать, – отрапортовала девочка.

– Вряд ли суммы, полученной от продажи ваших поделок, хватит даже на покупку капусты для парнокопытных, – вздохнула я, крайне озадаченная инициативой учительницы.

Нет, понятно, конечно, что Федорчук хочет научить детей состраданию. Но почему она решила рассказать им о зверушках, живущих на клочке земли, о котором девяносто девять и девять десятых процента населения России никогда не слышало? Не лучше ли попросить детей помочь московскому собачьему приюту, взять под свое покровительство какую-нибудь обезьянку в Московском зоопарке или купить антиблошинные ошейники кошкам, которые обитают во дворе? А еще лучше дать им почитать книгу «Тимур и его команда». Ее автор, писатель Аркадий Гайдар, сейчас считается слишком политизированным, прокоммунистически настроенным и не пользуется популярностью, но он был автором замечательных детских повестей и знал, как пробудить в подростках милосердие и доброту. И почему надо шить Си-

ду из неведомой страны Мгуини, отчего не смастерить Илью Муромца, Ивана-царевича или, на худой конец, старика Хоттабыча?

– Нет, тетя Таня, у учеников нашей гимназии богатые родители, они должны много заплатить за поделки, – возразила Нюся. – А кто не приобретет, тому кол в четверти по «природке» поставят.

– Учитель не имеет права ставить отметки взрослым, – попыталась я добавить каплю логики в безбрежное море маразма.

– Какая ты непонятливая, тетя Таня! – укорила меня Нюся. – Единицу огребет ребенок.

Я чуть не врезалась в багажник идущей впереди машины.

– За что?

– Ну тетя Таня! За неучастие в благотворительной акции. Наша школа борется за звание «Лучшая платная гимназия по версии ОНР», собирает баллы и, если победит, получит первое место, – объяснила Аня.

– Что такое ОНР? – не поняла я.

– Не знаю, – ответила девочка.

– Твоя мама не жена олигарха, миллионов не зарабатывает, – вздохнула я. – Подозреваю, что не все родители твоих одноклассников имеют толстые счета в банках.

Нюся зашмыгала носом.

– Если я не сошью Силу, мне опять влепят двояк, в четверти поставят плохую отметку, я займу последнее место в

рейтинге класса.

– Не плачь, – испугалась я, – делай своего Силу.

– А из чего?

– Придумай сама, не знаю, как выглядит этот дух.

– Он всякий, разный. Я хотела, чтобы он был розовым, пушистым, но ты сказала, что не любишь такой цвет, будто бы он уродский, – захныкала Аня.

Я почему-то начала оправдываться:

– Слово «уродский» я не произносила. И думала, что ты спрашиваешь про одежду, а я не ношу ничего цвета Барби. Но для Силу розовое подойдет. Просто прекрасно. Он будет поросеночком?

– Ну тетя Таня! Не-е-ет! Свиньи мне не нравятся, они противные. Я хотела пушистика, лохматенького, симпомпончика мимишного! – закричала Аня. – А ты...

– Отличная идея, – перебила я девочку. – Возьми в моей комнате, в верхнем ящике стола, деньги и купи в торговом центре все необходимое для Силу. Когда его нужно сдать?

– Завтра утром последний срок. Вообще-то еще позавчера надо было, но нам дали дополнительное время, потому что только двое из класса поделки вовремя принесли, – повеселела Аня.

– Не стоило так затягивать, – укорила я девочку.

– Я забыла!!!

– Хорошо. То есть плохо. Не надо игнорировать задания, даже если они идиотские.

Аня захихикала, а я опомнилась.

– Извини, я приехала по нужному адресу, больше не могу говорить. Сначала сделай уроки, потом сходи в торговый центр. Будь внимательна, не разговаривай с незнакомцами, не...

– Знаю, знаю! – зачастила Аня. – Нельзя помогать мужчине, который потерял собачку, запрещается садиться в чужую машину, брать у тети конфеты и все прочее. Мама мне эти глупости каждый день в уши бубнит, я наизусть их выучила. Я не маленькая, мне скоро одиннадцать!

Из трубки полетели гудки.

Я припарковалась и поспешила к дому. Ситуация с Силу прояснилась, вроде бы теперь нет необходимости идти в школу, но я туда непременно зайду – очень хочется посмотреть на креативную Инессу Леонидовну и задать ей несколько простых вопросов. Ну, например, такие... Этично ли говорить десятилетним детям про богатых родителей? Почему за неучастие папы-мамы в аукционе кол по природоведению получит ребенок? И вообще, при чем тут оценки? Еще хочется узнать, что означают буквы «вруш» перед фамилией училки.

Продолжая мысленный диалог с госпожой Федорчук, я благополучно поднялась на четвертый этаж ветхого дома и позвонила в квартиру. Дверь распахнулась мгновенно, мне в ноздри ударил запах куриного бульона, жареного лука, табачного дыма и еще чего-то очень противного.

– Что надо? – спросила толстая тетка в засаленном байковом халате.

– Желаю поговорить с Павлом Аркадьевичем Бубновым, – ответила я.

– Нет такого! – гаркнула красавица и собралась захлопнуть дверь, но я ловко поставила на порог ногу.

– А когда он вернется?

– Никогда. Отвали, а то мужика позову, – пригрозила хозяйка.

– Замечательно, – сказала я и вытащила служебное удостоверение. – Очень хочется познакомиться со всеми обитателями Вороньей слободки⁴.

Баба переменялась в лице.

– Никаких претензий, – улыбнулась я, – извините, что не представилась сразу. Давайте начнем сначала. Здравствуйте, меня зовут Татьяна, я разыскиваю Павла Аркадьевича Бубнова, который прописан в этой коммунальной квартире.

– Я – Люся, – промямлила тетка в байковом халате. – Уж простите, тут разные люди ходят, стремно каждого внутрь впускать, рынок рядом. Да вы заходите...

Кое-как протиснувшись в узкий коридорчик, я увидела на правой стене ряд вбитых гвоздей, на которых висела разнокалиберная женская, мужская и детская одежда.

– Туфли не скидывайте, у нас грязно, – вздохнула Люся. –

⁴ Воронья слободка – из романа «Золотой теленок» И. Ильфа и Е. Петрова. (Здесь и далее примечания автора.)

Николаевы уехали, в их комнатенку молдаване вперлись, а они на стройке работают, с них такая байда сыплется... Вы кого ищете?

– Павла Аркадьевича Бубнова, – терпеливо повторила я. Людмила сложила руки на груди.

– Я живу здесь всего год, в лицо кое-кого знаю, а по именам нет.

– За двенадцать месяцев не выучили имена соседей? – удивилась я. – Неужели в двухкомнатной квартире так много жильцов?

Люся прислонилась к стене.

– Тут шалман. И комнатенок не две, а намного больше. Люди тасуются постоянно. В девятиметровке около меня в понедельник мужик ночевал, в пятницу уже баба с детьми, в воскресенье – парень с девкой. Дурдом! Хотя нет, в психушке порядок, муж мой когда-то там лежал, никого внутрь без разрешения врача не пускали. А здесь... – Людмила махнула рукой. – Дно жизни. Русской речи не слышно, по-украински говорят, по-молдавски, по-азиатски. Еду свою готовят, на кухне ихние бабы толкутся, ни к плите, ни к столику не подпустят.

– Пройдусь по коридору, – сказала я, – поговорю с народом.

Людмила улыбнулась.

– Недавно в полиции, да? Не тратьте времени зря. Не станут местные с вами беседовать, прикинется, что только по-

своему гутарят. Вам лучше к Тамаре Яковлевне зайти, она на этаж ниже в отдельной квартире живет. Леднева всех знает – арендную плату собирает и с участковым дружит. Только не говорите, что я вас на нее навела. А то только вы за дверь, Томка меня вон выпрет.

– Ладно, попробую с комендантом потолковать, – после короткой паузы согласилась я и отправилась на поиски Тамары Яковлевны.

На сей раз дверь не открыли, из-за нее раздался сердитый голос:

– Ну?

– Тамара Яковлевна?

– Ну?

– Здравствуйте, очень надо с вами побеседовать.

– Тебе надо, ты и говори, а мне охота кофе попить. Убейся.

Я снова нажала на кнопку звонка.

– Уноси ноги, пока участкового не вызвала, – пригрозила хозяйка.

– Очень хорошо, немедленно пригласите его сюда, – велела я, демонстрируя двери служебное удостоверение. – С удовольствием обсужу с ним кое-какие проблемы.

Глава 7

Створка распахнулась, я увидела худенькую, совершенно седую даму в красивом темно-синем платье с белым воротником.

– Добрый день, – совсем другим тоном пропела она. – Что привело вас к моему порогу? Сразу предупреждаю: ни малейшего отношения к ужасу, который творится наверху, я не имею и...

Мне пришлось прервать поток объяснений:

– Тамара Яковлевна, я не из налоговой инспекции, не из иммиграционной службы, занимаюсь особо опасными преступлениями, например убийствами.

– Свят, свят, свят... – начала креститься хозяйка. – Наверху кого-то зарезали?

– Нет, – успокоила я ее, – ищу жильца Бубнова, который тут прописан много лет.

– Пашу? – удивилась Тамара Яковлевна. – Неужели он кого-то жизни лишил? Но это невозможно! Павел у нас учился. Я многих студентов да аспирантов помню, хорошие тогда времена были. Проходите, дорогая, не стойте в прихожей. Ботиночки не снимайте, я вам бахилки дам, у меня их много. Вот, держите.

Я взяла ярко-розовые, в синий горошек полиэтиленовые мешочки и улыбнулась.

– Какие веселые! Никогда таких не видела, обычно бахилы голубые.

– Вы не против, если будем беседовать на кухне? – осведомилась хозяйка. – Устраивайтесь на диванчике. Сейчас чаю заварю.

Леднева начала суетливо рыться в шкафчиках, достала заварку, пачку печенья, сахарницу. Я терпеливо ждала, пока хозяйка угомонится. Наконец Тамара Яковлевна села к столу и налила себе из термоса темно-коричневой жидкости.

– Мне чай доктор запретил, завариваю успокаивающий напиток, – пояснила она. – Очень хорошо помогает, да только запас заканчивается. К нам сюда женщина приходила, торговала от фирмы, а я не сообразила у нее телефон взять и теперь жалею. Вам, простите, не предлагаю, это как лекарство, не всем можно.

– Вы знаете Бубнова? – вернула я беседу в нужное русло.

– Пашу? Ну конечно, – улыбнулась собеседница. – Часто прежние деньки вспоминаю. Здесь когда-то общежитие института было, а я служила комендантом. За ребятами в оба глаза глядела, порядок у меня железный был. Ровно в двадцать три двери запирала и спать уходила. Если кто опоздал, в окошко тихонечко скребся, я его в любую погоду отворяла и отчитывала безобразника, объясняла: «Для учебы ты тут, не для гулянок. Вот не сдашь экзамены, уедешь домой с позором». Со студентами я справлялась, с аспирантами дело обстояло хуже. Учащиеся жили по пять человек в комнатах,

одна кухня на всех и санузел. У аспирантов условия были намного лучше, им давали боксы: на двоих пара комнат, правда, маленькие, шестиметровые, между ними шкаф, дверь в такую квартирку запиралась. Боксов у нас было четыре штуки. Тесно, зато отдельное жилье, с тем, кто во второй комнатке поселился, можно не общаться, створку закрыть и в одиночестве остаться. Аспирантов всего восемь человек было, им хорошо жилось – кухня и душ свои, правда, общие с соседом, но только для них двоих. Пиши диссертацию спокойно, трудись, все условия есть. Но большинство ребят считало аспирантуру чем-то вроде отпуска, два с половиной года они ничего не делали, потом спохватывались и за шесть месяцев спешно сляпывали диссертацию. Паша Бубнов разгильдяйничал, целыми днями где-то бегал, над книжками не сидел, часто компании в комнате собирал. Друзья у него были, как сейчас говорят, элитные, все чуть его моложе, еще студенты. Никита Рязанцев, сын ректора, Федя Холодов, его отцу институт принадлежал, Андрюша Крапивин, тот из семьи Эдуарда Семеновича, профессора, заместителя Виктора Петровича.

– Похоже, Бубнов знал, с кем корешиться, – улыбнулась я.

– Нет, неправильно подумали, – не согласилась Тамара Яковлевна. – Как раз расчетливости в Паше не было. Он тесно общался и с Песковыми, Васей и Ритой, братом и сестрой. Те были не москвичи, приехали из глухой провинции с золотыми медалями поступать, ребята без денег и связей. И Оля

Казакова не столичная штучка, нищая совсем, на моей памяти все годы в одних ботинках ходила. В институте много девочек из богатых влиятельных семей крутилось, идешь по коридору – дорогими духами пахнет. Паша, кабы хотел, мог любую подцепить, но он товарищей не по положению родителей выбирал, а по душевным качествам. Многие пытались к компании Бубнова примкнуть, в особенности девушки. Да и понятно почему – там такие женихи! Красавцы с положением. Но ребята никого к себе не подпускали. В вузе они со всеми общались, в буфет шли большой стаей, на переменах толпой, но после занятий ограничивались только своим кругом. Паша у них за главного считался. Во-первых, он старше на пару лет, во-вторых, лидер по натуре, умел людей очаровывать. У меня особых претензий к компании не было. Помню, они все песню под гитару пели, протяжную, мне нравилась. Там слова такие в припеве: «Мешал, Мешал...»

– «Мишел, май Белл», – промурлыкала я. – Известная мелодия «Битлз», о любви.

– Тихо они общались, – продолжала Леднева, – не пили, не орали. Правда, курили. Я к Бубнову стучала и выговаривала: «Имей совесть, весь этаж задымил. И время за полночь, пора уgomониться». Он никогда не спорил, быстро отвечал: «Все, все, Тамара Яковлевна, гости разбегаются». Лентяй был ужасный, но милый, я даже разрешала ему иногда приятелей у себя на ночь оставлять. А вот девушка Пашина, Оля Казакова, та еще штучка была. Аспирантка самого ректора,

Виктора Петровича Рязанцева, единственная, кого тот хвалил за ум и трудолюбие. Оля в библиотеке пропадала, над книгами чахла. Как уж они с Пашей в пару сложились, одному богу известно. Но с первого курса вместе ходили. Все знали: Оля лоботрясу и курсовые, и диплом написала, только благодаря ее поддержке Павел сессии на «отлично» сдавал и в аспирантуру попал. Сначала-то оба в студенческом общежитии жили. Пашка вечно с компанией гулял, Ольга над тетрадями сидела. За пару недель до сессии Казакова Бубнова хватает и начинает по программе гонять. На все темы гуляку натаскает, конспекты ему перепишет, и в результате получал Павел прекрасные отметки. Очень Оля его любила, про то все знали. Я им разрешила в одном блоке в аспирантском общежитии поселиться, хотя это вразрез с правилами шло, полагалось или двух девочек, или пару мальчиков селить, но я глаза закрыла – думала, у ребят семья. Ну, не зарегистрировались еще, потом распишутся. А в конце второго года аспирантуры Павел пропал. Но когда он исчез и все к Оле с вопросами приставать стали, она отвечала: «Отстаньте, он мне не муж! Понятия не имею, куда подевался!»

– Бубнов пропал? – уточнила я.

– Очень нехороший тот год был, – поморщилась Тамара Яковлевна. – У меня сестра умерла, молодая совсем, внезапно скончалась. Она в Иркутске жила, хоронить некому, я к ректору: «Виктор Петрович, отпустите, Христа ради». И он, душа-человек, командировку мне оформил, билет я за счет

вуза купила, и еще денежек чуток дали. Отсутствовала неделю, вернулась, а в общежитии гудеж – Бубнов испарился. Куда подевался, никто не знает, вещей и паспорта на месте нет, никаких записок, заявлений не оставил. Оля ходит черная, на всех огрызается. Виктор Петрович в клинике с инфарктом. Андрюша Крапивин, сын Эдуарда Семеновича, чем-то серьезно заболел. Никита Рязанцев, единственный ребенок ректора, занятия не посещает, а Заремка, из-за которой... Ой, хотите еще чаю? Экая я негостеприимная. Или лучше кофейку? Купила вчера замечательные конфеты, с шоколадной начинкой.

Чем больше хозяйка говорила об угощении, тем яснее я понимала: назвав имя «Зарема», она перепугалась, очень жалеет об обмолвке, вот и пытается увести разговор в сторону.

Я дождалась, когда собеседница сделает паузу, и спросила:

– Кто такая Зарема?

У Ледневой дернулось веко.

– Да уж и не помню сейчас. Какая-то девчонка, вроде с компанией Бубнова корешилась. Я же вам говорила: вокруг Паши золотые детки собирались, лучшие женихи, почти все студентки, да и аспирантки мечтали с Бубновым отношения поддерживать, понимали, что никогда им на себя внимание Никиты Рязанцева или Андрея Крапивина не обратить, если просто в коридоре им глазки строить. А вот ежели в их тесную компашку внедриться... Зарема – одна из студенток,

ничем не примечательная дурочка. Больше ничего про нее не помню, ни фамилию, ни где жила.

– Не волнуйтесь, – «утешила» я Тамару Яковлевну, – вуз прекратил свое существование, но его архив сохранился. Выяснить, кто такая Зарема, легко.

Память мгновенно вернулась к Ледневой.

– Она уборщицей работала. Хитрая очень, на Никиту Рязанцева глаз положила. В платке всегда ходила, платье длинное носила, тихая, глаза в пол. Ну зачем сейчас о ней вспоминать? В общежитии и в институте разные люди работали. Подолгу они не задерживались – зарплаты маленькие, обязанностей много. Уходили-приходили, текли водой. Вот, помню, нанялась бабка, ну прямо...

– Тамара Яковлевна, – остановила я Ледневу, – меня очень интересует Зарема, но если не желаете о ней говорить, не надо. Через институт прошло много студентов-аспирантов, да и сотрудников разных мастей предостаточно. Добыть список учащихся и преподавателей несложно. Потребуется время, чтобы поговорить с каждым, но кто-нибудь всенепременно вспомнит Зарему, назовет ее фамилию.

Бывшая комендантша поджала губы, а я продолжала:

– Люди насплетничают, напридумывают, наболтают того, чего никогда и не было, а мы им поверим. Вы, похоже, что-то знаете, вот и рассудите, что лучше: отправить меня плавать в море слухов или рассказать, может, не очень приятную и красивую, но правду? Я сплошь и рядом сталкиваюсь

с индивидуумами, которые произносят: «О! Я полностью в курсе дела! N убил жену!» Но потом выясняется, что у N-то и супруги никогда не было, и вообще он сам жертва, у него кошелек сперли.

Моя собеседница сделала правильный вывод из моих слов.

– Просто я не хотела позорить имя Виктора Петровича. Ох уж эти дети! Хорошо, что у меня их нет. Зарема понравилась Никите. Девка очень уж от остальных отличалась, тем его и взяла. Студентки юбочки чуть пониже пупка натянут, в туфли на метровом каблуке влезут, лица раскрасят, волосы начешут – и чик-брык по коридору, глазками в разные стороны стреляют. На уме у них гулянки-пьянки, хорошо, если в сессию об учебе вспомнят. А Заремка со шваброй, тишком по аудиториям работает. Поздоровалась с ней, она вежливо в ответ: «Добрый день!» – и дальше шваброй машет. Не красавица, но фигурка точеная, даже когда в халате была, видно, что стройная. Да еще глазищи в пол-лица черные, волосы темные, смуглая. А наши профурсетки все блондинки крашенные с прическами одинаковыми. И одевались одинаково: одна себе красные лодочки купит – вторая на следующий день в таких же является. Вывалятся толпой из аудитории на перемену, и не понять, где Маша, а где Даша. Неудивительно, что Никита уборщицу приметил. Охо-хо! Мезальянс! Сын доктора наук, профессора, ректора и – поломойка! Виктор Петрович запретил Никите с Заремкой

общаться. У них дома такой скандал разразился – стекла в окнах тряслись!

– Откуда вы знаете о событиях, происходивших в квартире Виктора Петровича? – удивилась я.

Тамара Яковлевна приподняла бровь.

– Жена ректора умерла, когда Никита только в школу пошел. Рязанцев мне предложил в свободное от работы время ему с хозяйством помогать. Я три раза в неделю у него убирала, готовила, ну, и слышала, конечно, разговоры всякие. Ладно, слушайте, расскажу...

Отец узнал, что у сына за девушка, и вспылил:

– С ума сошел? Немедленно перестань общаться с Агабишевой!

Кит взвился:

– Я взрослый, имею право вступать в отношения с кем хочу.

Виктор Петрович заорал:

– Кто у нас тут самостоятельная личность? Пока добрый папа сына содержит, деньги на кино дает, носки покупает. Так что лучше тебе помолчать.

Никита обиделся, из дома убежал, дверью хлопнул. Ректор за свои лекарства схватился, у него стенокардия была, а потом ко мне обратился:

– Ох, перегнул я, Тома, палку, надо бы аккуратно с сыном поговорить, не давить на него.

Я его успокоила:

– Каждый на вашем месте задержался бы, если в приличную семью лезет нищая оборванка невесть откуда. Как же тут спокойствие сохранить? Выгоните Зарему с работы, и делу конец. Сами знаете, с глаз долой – из сердца вон. Сейчас пакостница у Кита каждый день перед носом мельтешит, а когда исчезнет, он про нее живо забудет.

Виктор Петрович рюмашку себе налил и сказал:

– Тамара, я не владелец института, меня поставили им руководить, оклад назначили. Вуз принадлежит нескольким людям, а у главного из них, Николая Федоровича Холодова, жена Аиша, она помогает девушкам-мусульманкам, которые в Москву приехали. Зарема ее протеже. Аиша мне сама позвонила и попросила: «Виктор Петрович, проявите милосердие, дайте работу хорошему человечку. Агабишева честная, трудолюбивая, настрадалась в жизни, хочется ее под ваше доброе крыло пристроить». Разве можно отказать супруге Холодова? Так что уволить Зарему я не могу. Равным образом не имею права отчислить из института сына Николая Федоровича и Аиши. Федор об учебе не думает, лекции-семинары пропускает, но с курса на курс переходит, ему хорошие отметки по моему приказу ставят. Даже Эдуард Семенович, совесть наша недремлющая, молчит. Крапивин понимает: мы от Холодова зависим. Нет, Зарему нельзя уволить.

Я расстроилась, а потом сообразила, как поступить.

– Виктор Петрович, надо турнуть Нинку, вторую половойку. Нина пьет, ее часто подшофе видят, работает спустя

рукава. Как приказ на доску вывесят, я велю Зареме Нинкину работу исполнять. Пусть ей два оклада дадут, и будет Агабишева с девяти утра до одиннадцати вечера горбатиться. Времени на шуры-муры с Китом у нее не останется. Ей деньги нужны, возражать она не станет, еще и обрадуется, что возможность вдвое больше получать появилась. И вы про девчонку разузнайте, кто она, откуда.

Тамара Яковлевна выпрямила спину.

– У ректора много связей было, он кому надо позвонил, и выяснилось следующее. Зарема приехала в Москву из убогого угла, названия которого не произнести, язык сломаешь. Отец у нее случайными заработками перебивается, мать дома сидит. Семья огромная, нищая, голодная. Один брат мерзавки в тюрьме срок мотает, и второй за решеткой – их за принадлежность к банде террористов взяли. Третий братишка убит. Кем и за что, неизвестно. О четвертом говорят, что тоже бандит, но где-то за границей, в другой стране живет.

– Прекрасные родственники, – вздохнула я. – Представляю, как ректор отреагировал, когда правда открылась.

– Вы еще до конца не дослушали! – ажитировалась Тамара Яковлевна. – Старшая сестра Заремки утопилась, среднюю муж убил за прелюбодеяние. У них там, в их краю, нравы суровые. Посмотрела на чужого мужика? Получи камень в голову. А саму Зарему богатый старик сосватал, согласился взять в дом бесприданницей. Небось отец девчонки решил свое материальное положение поправить, продав самую

младшую дочку богачу. Сыграли свадьбу по местным обычаям, а через некоторое время Заремка исчезла.

Тамара Яковлевна подсунула себе под спину диванную подушку.

– Вона чего выяснилось – замужем Никиткина любовь, утекла от супруга, в Москве спряталась. Виктор Петрович, царствие ему небесное, прямо почернел от таких новостей. Позвал он Кита в кабинет и опять заорал: «Нашел себе подружку, у которой в семье сплошь уголовники-террористы! И твоя любовь – чужая жена! Немедленно прекрати с ней встречаться. Неужели не понимаешь? Она тебя старше, опытнее, юного дурачка охмурить решила, в столице хочет хорошо устроиться. А ну как ее муж узнает, где блудная супруга, явится за ней и тебя заодно прирежет?» Никита ему в ответ: «Ладно, если тебе не нравится, как я живу, могу из дома уйти». Виктор Петрович сразу на попятный: «Сыночек, просто я за тебя волнуюсь». Очень ректор Кита любил, жалел, что тот без матери остался, слишком много ему позволял.

Глава 8

Тамара Яковлевна зябко поежилась.

– Любовь... На мой взгляд, она несчастье, а не радость.

И ведь были в окружении Никиты приличные девушки. Та же Оля Казакова. Ну да, не москвичка, но хорошо воспитана, умела себя вести: издали посмотришь – и не подумаешь, что в столицу из медвежьего угла учиться прикатила. Виктор Петрович Олю привечал. Если она к Киту в гости приходила, всегда с ней приветливо беседовал. Казакова была отличницей, ни одной четверки за все годы обучения не получила. Мне ректор как-то раз шепнул: «Оля старше Никиты, но ведь всего на пару лет. Чтоб сыну в Казакову не влюбиться? Но нет, приковала его к себе Заремка!»

Леднева взяла платок, висевший на ручке кресла, закуталась в него и налила себе еще чашечку успокаивающего отвара.

– Ну а потом беды пришли. Виктор Петрович от инфаркта умер, вскоре Эдуард Семенович вслед за лучшим другом на тот свет ушел. Никита учебу совсем забросил. Сказал мне: «Взял я, Тамара Яковлевна, академку на год. Но через двенадцать месяцев непременно к занятиям приступлю». В общем, когда уезжала я на похороны сестры, все хорошо тут шло, а вернулась – ну прямо война! Крапивин Андрюша заболел, Бубнов исчез, Песковы тоже не пойми где. Одна Ка-

закова на месте, прилежная, как всегда. Диссертацию она за пару дней до моего отъезда защитила. То-то народ удивился! Досрочная защита редкость, а тут вдруг Виктор Петрович взял и назначил внеплановое заседание Ученого совета. Из-за Казаковой профессоров созвал, в спешке защиту провели. Все начали шептаться – с чего бы ректору ради аспирантки стараться? Может, у Казаковой тайный покровитель имеется? Я тоже в недоумении пребывала. Но так и уехала, не выяснив, что к чему. А когда назад прикатила, Ольга уже бумажки для отправки диссертации в ВАК собирала. Дело непростое, народ на это месяцы тратит, Казакова же быстро управилась. Я к ней с вопросом: «Ольга, что произошло?» Та в ответ: «Вы о чем, Тамара Яковлевна? Особых новостей у меня нет». Но я же не отстану! Начала конкретно интересоваться: «Где Паша? Почему его в блоке нет?» Казакова покраснела: «Не знаю. Другую нашел, москвичку, съехал к ней жить, послал меня на фиг, наплевал, что мы с первого курса вместе». Говорит, а у самой губы и руки трясутся, из красной зеленой стала, потом опять пунцовой. Я ее пожалела, утешить попыталась: «Наплюй и разотри. Значит, не твоя он судьба. И сделай выводы: не надо мужика шпынять. А то ты Пашку замечаниями затуркала, пыталась в вашей паре головой стать. Девушке лучше по-хитрому парнем вертеть, исподтишка».

Тамара Яковлевна сложила руки на груди.

– Но потом-то я все выяснила. Оказывается, пока меня не

было, в институт пришли какие-то парни и пристали к Рите Песковой. Вася начал защищать сестру, ему по шее дали, Паша с Никитой и Андрюшей бросились на помощь. Случилась драка, окна побили, на улицу выскочили, а там, как назло, ехала полицейская машина, всех в отделение замели. Там несколько дней продержали и отпустили, ребята, видно, здорово перепугались, попрятались потом кто куда. Наверное, тех парней, что битву затеяли, боялись, они на бандитов походили. А затем у Андрея с Китом отцы умерли. Казакова из общежития съехала, и не общались мы с ней больше. Зарема исчезла, но куда она делась, я понятия не имею. И до вашего прихода не вспоминала Агабишеву долгие годы. Один только раз она мне на ум пришла.

Тамара Яковлевна показала на термос.

– Женщина, которая БАДаами торговала, милая такая... Я головными болями давно мучаюсь, особенно на смену погоды реагирую. Дилерша предложила чай успокаивающий. Я содержимое пакета понюхала – пахло прямо как от Заремкиного зелья, а оно мне здорово помогало, вот я и купила. Уже не первый месяц пью, лучше стало. Но варево Агабишевой сильнее было, жаль, не знаю, из чего она его составляла, сама бы себе намешала. Вам угоститься не предлагаю, это не забава, а лекарство, может навредить. Ой, вот сейчас вспомнила неожиданно! Через пару месяцев после пропажи Павла в общежитие приехала женщина, она искала Бубнова. Пришла ко мне, представилась дальней родственницей его мате-

ри и сказала: «Впервые в Москву из провинции приехала, думала, Паша мне поможет в столице сориентироваться». Я ей сказала, что его за драку увезли из института в полицию, и где он сейчас, я понятия не имею – всех хулиганов отпустили, они кто куда разбежались. Та женщина расстроилась очень и ушла. Более Бубновым никто не интересовался.

– Как звали посетительницу? – спросила я.

Тамара Яковлевна неожиданно улыбнулась.

– Не один год прошел, если она свое имя и назвала, я его давно забыла.

– А что за напиток делала Зарема? – заинтересовалась я.

Тамара Яковлевна нахмурилась.

– Приметила я, что к Агабишевой в каморку, где она тряпки да веники хранила и отдыхала, студенты бегать начали. Оглянутся по сторонам и за дверку – шмыг. Насторожилась, конечно, пошла туда, накинулась на Зарему: «Чем ты занимаешься? Если гадость придумала, вылетишь отсюда в секунду!» Она руками замахала: «Нет, нет, мальчики за чаем приходят». Тут я совсем разволновалась: «Чем ребят травишь?» Девчонка и раскололась, рассказала историю. Бабка ее была знахаркой, травки разные заваривала, любые болезни лечила, даже самые страшные. Она внучке свои знания и передала. Оказалось, что Заремка готовит чай от усталости, похмелья, для улучшения умственной деятельности и продает свои смеси в институте. Мне чашечку налила, сказала: «Выпейте, сразу голова пройдет». На вкус, скажу вам,

гадость, пахло от отвара противно, тошнотворно, но не соврала она, мне легче стало. И все равно я ей запретила зелье в общежитии распространять. Она послушалась, ребята в каморку шастать перестали. Заремка же нет-нет, да и говорила мне: «Тамара Яковлевна, вижу, голова у вас раскалывается, хлебните чашечку отвара». Каюсь, угощалась. Хитрая Заремка была, понимала, с кем дружить надо, надеялась, что я ей за травяной напиток послабление сделаю, разрешу торговать травами. Да не на ту напала!

– Бубнов давно не показывается в бывшем общежитии, почему же до сих пор тут прописан? – удивилась я.

Тамара Яковлевна развела руками.

– Вот что я насчет Паши думаю. Заводилой он у ребят был, лидером. Может, тех парней крепко обидел? С чего они в институт пришли? Вероятно, хотели с Пашей разобраться, походя к Рите примотались. А когда всех за драку в обезьянник свезли, еще больше обозлились, пообещали Бубнова и его товарищей убить, вот наши ребята и перепугались. Кто мог, дома отсиживался, а кто в общежитии жил, где-то спрятался. Сильно боялись они тех бандитов, небось что-то серьезное натворили, потому и предпочли на дно залечь. В молодости многие ошибки совершают, и акупаются они им потом всю жизнь. Бубнов испарился, Песковы документы из института забрали и куда-то уехали. Одна Казакова бумаги спокойно собирала. А насчет прописки Паши в этом доме... Бардак здесь творится. Института больше нет, владельцы ликви-

ровали. Холодов свои права на него партнерам уступил, единоличным хозяином зданий, где институт размещался и общежитие, стал Олег Николаевич Реутов. Вскоре он умер, наследники уехали жить за границу, все добро распродали. На месте учебного заведения рынок построен, а общагу приспособили под гостиницу для торговцев. Ремонта в ней сто лет не было. Бывший наш участковый нынче начальником в полиции стал и с владельцем базара в дружбе состоит. Сергей Петрович хороший человек, помог мне служебную квартиру в собственность оформить и шепнул кому надо, чтобы меня тут управляющей поставили. Местный контингент в кулаке держать надо, ну да я умею с людьми справляться. Почему Бубнова не выписали, понятия не имею. С общежитием еще при Викторе Петровиче чудные дела твориться начали – Рязанцев ухитрился Ольге Казаковой постоянную прописку сделать, блок, где они с Пашей жили, по документам превратился в двухкомнатную квартиру. Я об этом недавно узнала, совершенно случайно. Дом наш хотят сносить, он давно аварийный, жильцам, кроме меня, ничего не положено, у них же временная регистрация, новые хоромы только мне как собственнице вот этой квартиры дадут. И вдруг выяснилось, что Бубнов тоже оформлен в доме на постоянной основе. Давно здесь не живет, больше десяти лет уже, а по книге он тут! Казакова выписалась, парень же остался. Что хозяин делать будет, понятия не имею. И где сейчас Никита Рязанцев, мне неизвестно.

Попрощавшись с Ледневой, я села в свой джип и, не заводя мотор, позвонила Роберту:

– Срочно найди Никиту Викторовича Рязанцева, Андрея Эдуардовича Крапивина, Василия и Риту Песковых, Павла Бубнова. Последний учился в одном институте с ребятами, но был их чуть старше, с первого курса жил с Ольгой Казаковой, будущей женой Мамонтова.

– Йес, босс! – решил подурачиться Роберт. – Пришлю инфу почтовой уткой.

Я хотела продолжить разговор, но тут увидела, как из подъезда общежития вышла Тамара Яковлевна, одетая в добротное светло-коричневое пальто. На голове у нее была шляпа с закругленными полями, в руках она держала небольшую сумочку. Я бы не насторожилась, веди себя дама как человек, который собрался в магазин или просто решил прогуляться, но она, встав у двери, оглянулась по сторонам, сделала несколько шагов, опять завертела головой, потом прошла метров сто, достала из сумочки зеркало, принялась поправлять головной убор...

Я быстро прервала беседу с Трояновым, схватила с заднего сиденья пухлый портфель и вывернула наизнанку свою куртку, отчего она из бежевой превратилась в черную. Потом повязала на голову серый платок, нацепила на нос очки в тяжелой оправе и кинулась за Ледневой, которая, перестав играть в шпиона, посеменила к метро.

Ехать пришлось далеко, с двумя пересадками. За время,

проведенное в дороге, я успела сменить платок на вязаную шапку, а потом закрыла голову капюшоном с широкой меховой опушкой. Тамара Яковлевна бдительно посматривала по сторонам, даже скользнула по мне взглядом, но ни малейшего беспокойства не проявила. Вы не поверите, как сильно изменяют внешность человека очки в разных оправках и головные уборы.

Несколько раз Леднева вынимала из сумки фляжку, делала из нее пару глотков и прятала обратно. Она вышла на последней станции ветки. Выбравшись на свежий воздух, постояла минуту, потом села в маршрутку. Я схватила такси и велела водителю ехать следом за микроавтобусом. Катить пришлось минут пятнадцать. В конце концов мы приехали в лес и затормозили у решетчатых ворот с табличкой «Психиатрическая больница имени Андреева». Тамара Яковлевна прошмыгнула в калитку и вошла внутрь мрачного здания. Я бросилась за ней.

Кстати, кто-нибудь может объяснить мне, почему на кладбищах, даже в жаркую солнечную погоду, очень холодно? И по какой причине в муниципальных клиниках отвратительно воняет хлоркой и прокисшим супом?

Бывшая комендантша купила в автомате ярко-розовые, в голубой горошек бахилы и надела их. Я поняла, что она не впервые в клинике. Использованные полиэтиленовые мешочки Леднева не выбрасывает, приносит домой и раздает гостям.

Осторожно ступая, Тамара подошла к окошку справочной.

– Рязанцев теперь в какой палате?

– Подождите, я занята! – рявкнула девица в белом халате. И продолжила говорить по мобильному телефону: – Да ты че? А он че? Ну ни фиги себе!

Бывшая комендантша покорно ждала, пока администратор закончит обсуждать «важные» вопросы. Счастливый момент настал минут через пять.

– Что хотите? – нелюбезно поинтересовалась дежурная.

– Рязанцев в какой палате? – повторила вопрос посетительница. И услышала в ответ:

– Девятый этаж, пятнадцатая. Большим лифтом пользоваться нельзя, купите бахилы и...

– Я знаю, – остановила наглуую девицу Тамара Яковлевна. – Но когда приходила неделю назад, доктор обещал перевести Никиту в другую палату, с одним соседом.

– Зачем мне тупые вопросы задавать? Я что, врач? – взвилась администратор. – Интересуйтесь у старшего медперсонала, чего у него в голове хлюпало, когда он родственникам палату повышенной комфортности обещал. Местов у нас нет, больница битком набита. Нет, народ шизеет по-черному! Не нравится бесплатно лечиться? Езжайте в частную клинику. Нет денег? Радуйтесь, что сюда взяли. Все, у меня обед!

Очаровательная нимфа снова схватилась за телефон и за-

хлопнула окошко.

Тамара Яковлевна побрела в сторону лифта. По дороге она вновь вытащила из сумки фляжку и сделала несколько глотков.

Я, глядя на светящееся панно, подождала, пока Леднева доедет до нужного этажа, вошла в другую кабину и нажала кнопку с полустертой цифрой 9. Подъемник, кряхтя и охая, понес меня вверх, запах хлорки усилился, мне стало тоскливо.

Глава 9

Мне и раньше по работе приходилось бывать в подобных клиниках, и в каждой из них большая часть дверей палат оказывались запертыми на ключ. Но в этом месте царила полная вакханалия. На посту не было медсестры, по коридорам свободно бродили мужчины и женщины, одетые кто в спортивный костюм, кто в халат. Выглядели пациенты нормальными людьми, и я подумала, что нахожусь в отделении, где лечат неврозы. Настоящие сумасшедшие, наверное, содержатся в другом, тщательно охраняемом корпусе.

Леднева вошла в палату, а я, подождав минуту, чуть-чуть приоткрыла дверь и прислушалась. Из комнаты доносился голос Тамары Яковлевны:

– Здравствуй, Никита. Как дела? Смотри, яблочки тебе привезла. Попробуй, сладкие. Никитушка, ну ответь! Кит, дорогой, очнись! К тебе врач приходит? Таблетки дают? Никита!

Пообщавшись с Рязанцевым таким образом минут пять, Тамара Яковлевна вышла в коридор и увидела меня – без платка и очков, которые я сняла за ненадобностью.

Леднева замерла, потом воскликнула:

– Господи!

– Давайте поговорим, – мирно предложила я. – Почему вы соврали, что не знаете, где Рязанцев?

Она сжалась в комок, наклонила голову, сделала глубокий вдох, отступила к стене и прошептала:

– Здравствуй. Ты здесь! Здесь ты!

Меня удивила реакция собеседницы, но от волнения большинство людей ведет себя неадекватно.

Один раз мы задерживали бизнесмена, который убил свою жену и тещу. Операцию готовили тщательно, знали, что у него есть оружие и терять ему нечего, он непременно пустит пистолет в ход, поскольку понимает: двух пожизненных заключений не дадут, хоть сто человек на тот свет отправь – хуже наказание не станет. Когда группа специально обученных сотрудников ворвалась в квартиру преступника, тот мирно заваривал себе чай. Увидав парней в обмундировании, убийца... запел. Голос у него оказался неплохой, слух тоже. Правда, ребята из особого подразделения не заядлые меломаны, поэтому не заслушались, а скрутили «солиста». Теперь он, наверное, развлекает исполнением арий своих соседей по бару.

Вот что может сделать с человеком сильная нервная встряска. А Тамара Яковлевна просто поздоровалась невпопад.

– Добрый день, – вежливо отозвалась я.

– Ты... ты... ты... – затухающим голосом продолжала Леднева.

– Да, – подтвердила я. – Давайте спустимся на первый этаж и там побеседуем.

– Зовешь меня... – еле слышно прошептала Тамара. – Приглашаешь...

– Верно. Не нервничайте, ничего плохого не случится. Обещаю вам, что больно не будет, – решила я слегка разрядить обстановку шуткой. – У зубного врача хуже. Мы просто спокойно, тихо, мирно...

Договорить конец фразы «поговорим в местном кафе» мне не удалось. Тамара Яковлевна резко выпрямилась и, выкрикнув:

– Нет! Не хочу быть с тобой! Витя! Витя, ты где? Ты мне нужен, бегу к тебе, Витенька! – опрометью бросилась в конец коридора, противоположный холлу с лифтами.

Несмотря на избыточный вес, я прекрасно бегаю и, как все сотрудники бригады, регулярно посещаю фитнес-зал. Догнать Ледневу для меня не составило бы труда, но, как назло, именно в эту секунду из палаты слева вывалилась группа людей. Ее возглавляла худая сутулая женщина со злым лицом, говорившая на ходу:

– Атаманов, понял наконец?

– Да, Нина Георгиевна, – ответил коренастый молодой мужчина в голубом халате.

– Выписывай Рогова, он обманщик, – еще сильнее разгневалась начальница. – Применил старый как мир трюк – прикинулся шизофреником, а наш славный умный доктор попался. Женщина, вы куда рветесь?

– Туда, – пробормотала я, пытаюсь пройти сквозь строй

медиков, которые не собирались расступаться.

– Вы кто? – накинулась на меня Нина Георгиевна.

– Родственница больного, – ответила я.

– Безобразие! – взлетела ракетой собеседница. – Кто вас сюда пустил?

Я поняла, что Тамару Яковлевну мне уже не догнать, и рассердилась.

– Внизу отсутствует охрана, девушка на рецепшен не желает общаться с посетителями – она сначала по телефону болтала, потом заявила, что у нее перерыв на обед, а в коридоре на посту никого нет. Меня ни один человек из ваших сотрудников ни о чем не спросил. И разве здесь тюрьма? Запрещено навещать больных? Бойтесь, что их близкие увидят, в каких условиях содержатся несчастные?

Врачи перестали шушукаться, многие втянули головы в плечи. Мне стало понятно, что начальница не справляется со своим гневом и сейчас подчиненные со страхом ожидают боевых действий. Через секунду Нина Георгиевна оседлает боевого коня и, размахивая над головой томагавком, кинется на посетительницу клиники, посмевавшую ей возражать. Но битва не состоялась.

– Люська! – заорали вдруг слева. – У нас бабка убила насмерть! Ты опять крышу не заперла! Люська! А-а-а! Ой, Нина Георгиевна...

Присутствующие в едином порыве повернулись в сторону, откуда несся вопль. Я увидела толстую девицу в корот-

ком белом халате и с неприлично ярким для сотрудницы лечебного учреждения макияжем.

– Ты кто такая? – отрывисто спросила начальница.

– Катя, – выдавила из себя медсестра, – из третьего отделения.

– Уволить! – распорядилась Нина Георгиевна. – Поведение и внешний вид отвратительны, еще...

– Катерина, – перебила я врача, – кто умер?

– Старуха вниз сиганула, – жалобно простонала девушка. – Я поднялась покурить... ой, нет... воздухом подышать... а она спрыгнула... я прямо увидела, как она шагнула... Потом снизу – бум! Глянула во двор, а там бабка лежит, у меня глаза зоркие... Люська крышу не закрыла, вот и свалилась... Бежать хотела... все пенсионеры мечтают отсюда домой свалить...

– Надо вызвать полицию, – робко предложил Атаманов.

Нина Георгиевна посмотрела на него исподлобья. Тогда я достала служебное удостоверение.

– Добрый день, господа, не надо никуда звонить. Екатерина, где тело?

Девушка показывала пальцем влево.

– Там.

– Убедительно прошу всех занять свои рабочие места и не поднимать панику. Но по домам не расходиться до особого распоряжения, – велела я. – Нина Георгиевна, в клинике есть охрана?

Начальница молча кивнула.

– Прикажите секьюрити срочно подойти на первый этаж к справочному бюро, – попросила я и поспешила к лифту.

Минут через двадцать, убедившись, что на земле лежит Тамара Яковлевна, и велев охранникам никого к трупу не подпускать, я поднялась в кабинет Нины Георгиевны. Главный врач тем временем успела вызвать на ковер толпу подчиненных и более или менее разобраться в произошедшем.

– Постарайтесь нас понять, – усадив меня в кресло, запела дама. – Зарплаты здесь маленькие, работа трудная, поэтому текучка кадров большая. Придет молодая медсестра, повертится пару месяцев и убегает. Хотя на девятом этаже нетяжелые больные, там тихо. Ну, закатит человек истерику, поплачет-покричит, на том все и заканчивается. Буйные, агрессивные пациенты находятся в другом корпусе, вот там круглосуточная охрана, ключи от палат-коридоров, опытные и физически крепкие медбратья.

Нина Георгиевна замолчала, я пришла ей на помощь:

– На девятом этаже персонала не хватает, а тот, что есть, не очень бдителен, но вины вашей тут нет.

– Спасибо за понимание, – обрадовалась мегера. – Раз в неделю я непременно устраиваю показательную порку, однако этого эффекта хватает на два дня, потом опять распускаются. Я издала приказ о запрете курения. Клиника и прилегающая к ней территория безникотиновая зона. Так они что придумали! Носятся на чердак, открывают окна и дымят. А

дверь туда не запирают, потому что ключ один и его никогда на месте нет. Пойдет Катя посмолить, положит ключик себе в карман халата, а повесить забудет. Потом Светлане приспичит сигареткой побаловаться. И как ей чердак отпереть? Начинает она бегать, ко всем приставать: «Где ключ от чердака?» Еще я могу неожиданно нагряться, чтобы на ключи посмотреть. Если не найду все на местах, разнос устрою. Вот медперсонал и решил: не будем дверь в любимую курилку блокировать. Нина Георгиевна дура, увидит ключ на крючке, не полезет на чердак, не станет дверь дергать, проверяя, закрыта ли. И ведь они правы – я выше десятого этажа никогда не поднимаюсь.

– На чердаке окна не забраны решетками? – запоздало удивилась я.

– Нет, – после небольшой паузы призналась Нина Георгиевна. – Из-за бедности нашей так получилось. Клиника старая, давно ремонта требует, но попробуйте денег у государства выклянчить... Я буквально побираюсь с протянутой рукой, спонсоров ищу. Сейчас люди, кто побогаче, своих родственников в коммерческие медцентры укладывают, сюда одна нищета попадает. Но иногда нам везет. Один строительный магнат определил к нам мать с условием, чтобы ее лечил именно профессор Волоколамский. Сергей Петрович был мировой величиной, психиатром большого таланта, к нему люди из-за границы прилетали. Сколько раз его частные клиники переманить пытались, оклад запредельно

высокий предлагали, но он всегда отвечал: «Если все хорошие доктора будут лечить исключительно олигархов, то кто станет помогать бедным?» И вот магнат пришел ко мне с просьбой: «Помогите матушку к Волоколамскому устроить». А я не растерялась, решила воспользоваться шансом. «Ладно, пойду вам навстречу, а вы за это вместо старых окон поставите в здании современные стеклопакеты. Мы замучились осенью щели в рамах конопатить. А если не заделаем, больные простужаются». Магнат согласился, пригнал бригаду, рабочие на этажах современные окна смонтировали и новые решетки приварили. Дошло дело до чердака, срезали там железные прутья. А мать спонсора внезапно скончалась – тромб у нее во сне оторвался. Все, конец малине. Рабочие ушли, в подкрышном пространстве остались древние деревянные рамы, да еще и без решеток. Я олигарху звонить: «Доделайте работу! Честное слово давали и обманули!» Тот в ответ: «Вы тоже обещали моей матери помочь». В результате чердак остался и без хороших окон, и без заграждений – вернуть решетки на место нам не удалось, так как срезанные увезли на свалку, а на новые денег нет. Я велела тщательно запирать дверь, ведущую на чердак, но сотрудники безалаберны. Хочу подчеркнуть: ответственности за женщину, которая покончила с собой, больница не несет. Погибшая не являлась нашей пациенткой, она родственница больного. Не как врач, а просто как женщина могу предположить, что она не выдержала тяжелого испытания: непонятный диагноз сы-

на, отсутствие положительной динамики даже после мощной терапии. Сам Волоколамский не понимал, что с Рязанцевым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.